

Министерство образования и науки Российской Федерации
Гжельский государственный
художественно-промышленный институт

Б. В. Илькевич, В. В. Никонов

**ХУДОЖЕСТВЕННО-
ПРОМЫШЛЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
В ГЖЕЛИ:
ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД**

Москва – 2012

УДК 37.01; 745
ББК 74.03 (2)
И 47

И 47 Б. В. Илькевич, В. В. Никонов. Художественно-промышленное образование в Гжели: дореволюционный период. – М.: Издательство «Прометей», 2012. – 100 с.

В монографии рассматриваются вопросы организации художественно-промышленного образования на территории гжелского народного художественного промысла в дореволюционный период. Прослеживается путь, который прошло образование в Гжели от традиционных форм овладения мастерством «от отца к сыну», до организации первого государственного художественно-промышленного учебного заведения – филиального отделения Строгановского Императорского училища. В работе использованы уникальные, ранее не публиковавшиеся архивные материалы.

Работа адресована исследователям, интересующимся историческими аспектами развития художественно-промышленного образования в регионах бытования народных промыслов.

ISBN 978-5-7042-???

© Илькевич Б. В., Никонов В. В., 2012
© Издательство «Прометей», 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
1. Становление художественно- промышленного образования в России	6
2. Общая характеристика гжельского промысла	11
3. Образование на промысле до открытия филиала Строгановского училища	20
4. Открытие филиала Строгановского училища в Речицах	26
5. Преподавательский состав и организация обучения в филиале	34
– Петр Яковлевич Овчинников	35
– Викентий Павлович Трофимов	41
– Павел Григорьевич Смирнов	56
6. Династия гжельских художников- керамистов Монаховых	80
Заключение	94
Список используемых источников	96

Введение

О гжельском художественном промысле написаны сотни работ, продукция местных мастеров известна всему миру, гжельская керамика стала одним из символов России, а традиционная синяя роспись по белому фарфору – эстетически непререкаемым авторитетом. Эволюция гжельской пластики и росписи подробно исследована специалистами начиная с XVIII в. и продолжает изучаться по сей день, тем более, что творческая жизнь промысла не стоит на месте, и сегодняшние художники продолжают создавать и развивать волшебный мир народного искусства, внося в него свои новые идеи и бережно сохраняя творческие основы, переданные им предшественниками.

Гжельская майолика XVIII в.

В Гжели много сделано для того, чтобы не прервалась нить, связующая нынешних мастеров с будущими поколениями создателей и ценителей уникальной народной художественной традиции. Это, прежде всего, система образования, благодаря которой осуществляется постоянное воспроизводство творческих кадров для промысла. Сегодня в Гжели можно получить как среднее, так и высшее художественно-промышленное образование. Студенты гжелского колледжа и художественно-промышленного института имеют счастливую возможность учиться, находясь в самом центре керамического района, у ведущих художников народного промысла. Однако, сложившаяся несколько лет назад устойчивая система художественно-промышленного образования в Гжели существовала не всегда. То, что мы имеем сегодня – это плод многолетней напряженной работы коллектива преподавателей и работников Гжелского института.

В предлагаемой работе рассматривается история художественно-промышленного образования на гжелской земле от его начала и до 1916 г., когда, в связи внутри- и внешнеполитическими событиями закончил свою работу Речицкий филиал Строгановского Императорского училища. Выделение истории художественного образования в отдельную тему неслучайно. С одной стороны, как уже говорилось, о Гжели написано много, но образовательный аспект, как кажется, незаслуженно упущен. С другой стороны, Гжели, в числе совсем немногих мест бытования народных промыслов, посчастливилось иметь собственную художественную школу, открывшуюся еще в конце XIX в., когда здесь начал свою работу филиал главного профильного образовательного заведения Империи – Строгановского Центрального училища технического рисования. Еще большей редкостью было открытие сразу после революции 1917 г. керамической школы. Таким образом, уникальность Гжели состоит еще и в том, что вот уже более ста лет здесь не прекращается педагогическая деятельность, направленная на сохранение и развитие промысла, художественной керамики, декоративно-прикладного искусства в целом.

1. Становление художественно-промышленного образования в России

Первые художественные школы появились на некоторых кустарных предприятиях России уже в XVII в. Обучение в рисовальных, иконописных, керамических мастерских было направлено на обеспечение бесперебойного производства продукции узкоспециализированной отрасли [28, с. 27]. Попытки организовать систематическую подготовку художников-профессионалов были предприняты только в начале XVIII в. Так, в 1711 г. открылась рисовальная школа при Петербургской типографии. В ней обучали рисованию с натуры.

Здание Академии наук. Санкт-Петербург. XVIII в.

Развитием художественно-промышленного образования занималось государство. Когда в 1725 г. была открыта Академия наук, то среди прочих учреждений она имела рисовальную и гравировальную палаты, типографию и различные мастерские. Академия наук, таким образом, могла считаться художественно-промышленным учреждением. Мастерские не только готовили кадры, но и распространяли свои изделия, одновременно способствуя воспитанию эстетических вкусов и пропагандируя прикладное искусство.

Следующим шагом в становлении художественно-промышленного образования стало открытие в 1757 г. Академии художеств – будущей школы живописи, ваяния и зодчества. Вскоре в Академию художеств из Академии наук были переведены гравировальная палата и литейные мастерские. В Академии были организованы четыре основных класса: живописный, скульптурный, архитектурный и гравировальный. Живописный класс имел специализированные отделения: историчес-

кое, батальное, портретное, архитектурное, бытовой живописи, «всяких животных», «фруктов и цветов», мозаичное.

Здание Академии художеств. XVIII в.

Помимо основных искусств в Академии преподавались четырнадцать «мастерств». Это были мастерства литейное, медное, резное, медальерное, чеканное, токарное, гипсовое и пр. Все искусства в Академии делились на ранги: искусства высшего ранга – собственно, живопись, ваение и зодчество; второго ранга – искусства механические и ремесла и, наконец, – простые рукоделия [42, с. 174]. Ученики Академии в зависимости от успеваемости делились на «фигуристов» и «орнаменталистов». Первые умели изображать фигуру человека или животного, вторые – нет. Что же касалось орнаментов, то есть украшений, то они также делились на «бесполезные, но спокойные и приятные» и на «необходимые». Первые, таким образом, относились к «свободным», а последние – к «низменным». Вообще в то время «свободными искусствами» назывались лишь те, которые требовали больше разума и искусства, нежели силы.

Еще одним художественно-промышленным учебным заведением, открытым при Екатерине II (1765 г.), стала школа при императорском фарфоровом заводе [15, с. 59]. В 40-х гг. XVIII в. в Петербурге был открыт Императорский фарфоровый завод, и именно в это время химик Д. И. Виноградов разработал оригинальную технологию для производства отечественного фарфора. Завод работал, поставляя продукцию для дворцового обихода. Технология отработывалась, объем выпускаемой

продукции увеличивался, появилась потребность в большем количестве профессионалов. Это послужило причиной того, что в 1765 г. по указу Екатерины Великой была учреждена особая школа, готовившая для завода рабочих.

Обучение мастеров в специализированных школах не означало, разумеется, постепенного умирания традиционной передачи навыков и мастерства по старинке от отца к сыну, оно лишь утверждало ценность народного художественного творчества на государственном уровне [12, с. 13].

В 1825 г. в Москве была открыта знаменитая Строгановская «Школа рисования в отношении к наукам и ремеслам», ставшая первым художественно-промышленным учебным заведением в буквальном смысле слова. Символично, что и сегодня школа носит имя своего основателя – графа Сергея Григорьевича Строганова – человека, который одним из первых в России понял и, главное, абсолютно ясно сформулировал задачи задуманного им детища, увидев в художественно-прикладной деятельности самостоятельную, отдельную от «чистого» искусства функцию. Школа была открыта «на благо Родины», а сам С. Г. Строганов не ждал себе никакой награды, кроме «одобрения доблестных граждан» [45, с. 12]. С. Г. Строганов, конечно же, внимательно изучил опыт художественного образования и за рубежом, и в России. С программами и опытом обучения

в Академии Художеств он был знаком наиболее полно, тем более, что с 1800 по 1811 гг. президентом Академии был его родственник А. С. Строганов. Обобщив накопленный материал, Сергей Григорьевич предложил совершенно новый тип учебного заведения.

Учеником школы мог стать любой, достигший 10-летнего возраста. При этом желательно (не обязательно!), чтобы принимаемые ученики уже умели читать. Но для чего? Оказывается, для того, чтобы выпускники имели воз-

Граф С. Г. Строганов, основатель училища

возможность распространять свои знания и навыки. То есть граф Строганов еще на этапе создания школы рассматривал ее как стартовую площадку для поистине народного художественно-промышленного образования.

Методика обучения строилась следующим образом. На первых порах ученики занимались копированием «оригиналов». Под «оригиналами» подразумевались образцы рисунков, как правило, иностранного производства, в больших количествах закупаемых руководством школы. Постепенно сложность «оригиналов» возрастала, и копиисты оттачивали свое мастерство. Однако не создание копий было целью учебного процесса. Предполагалось, что, овладев техникой копирования, получив навык работы карандашом, ученик разовьет вкус, понимание красоты и сущности материала, что в конечном итоге приведет его к созданию своего художественного произведения.

В 1841 г. С. Г. Строганов принимает решение передать свое детище государству. Как тогда говорилось, передать «в казну в ведомство Министерства финансов». Сам он оставался управляющим.

Положение Строганова в обществе – к этому времени он уже был Попечителем Московского учебного округа – позволило ему обратиться со следующим письмом к министру финансов Е. Ф. Конкрину, которое стало своеобразным отчетом об успехах школы:

«...С каждым годом увеличивается число оканчивающих в Школе пятилетний курс учения; молодые люди отлично образованные, получают хорошие места. В настоящее время многие фабрики около Москвы и лучшие в Шуе и Иванове ситцевые и набивные заведения имеют рисовальщиков, воспитанных в моей Школе, и я смело могу уверить Ваше Сиятельство, что при очень практичном приготовлении, они вполне удовлетворяют местным потребностям.

С 1839 года, по распоряжению Вашего Сиятельства при заведении моем открыт Воскресный класс рисования, постоянно посещаемый 100 вольноприходящими. Успех сего нового заведения должен приписаться пособиями, коими оно пользуется от Школы моей. Итак, в настоящее время 275 человек получают полное начальное учение в рисовании и в применении сего искусства к мануфактурной промышленности. Я осмеливаюсь просить... о принятии Школы моей на казенное содержание. Находящиеся при заведении пособия

и собрания (на сумму более 80 т. руб. асс.) желал бы я жертвовать в пользу казны с тем, чтобы все время пребывания мое в Москве возложен был на меня надзор за управлением Школой» [11, с. 31].

Таким образом, с 40-х гг. XIX в. Строгановская школа переходит в ведение Министерства финансов, и теперь уже правительство определяет основные направления ее развития.

На протяжении всего XIX столетия продолжается неуклонный рост потребности промышленности в художниках, работающих в области народного творчества. Реформы 60-х годов не могли не затронуть художественно-промышленное образование. Очередной этап действий государства в этом направлении начался с того, что в 1860 г. две главные рисовальные школы Империи (первая – «Мещанская», вторая – «Строгановская») были объединены под общим названием «Строгановское училище технического рисования». В Положении о Строгановском училище подчеркивалось, что *«цель его состоит в образовании рисовальщиков и орнаментовщиков для мануфактурного производства и мастерства и вообще в содействии к развитию художественных способностей...»* [11, с. 36].

В училище было открыто женское рисовальное отделение. Занятия проводились три раза в неделю, отдельно от мальчиков. Это очень важный момент в образовательной программе того времени. Дело в том, что одним из существенных итогов реформ стало расширение прав женщин на образование и трудовую деятельность. В частности, женщина могла стать учительницей. Прежде это было невозможно. Роль женщины в системе народного образования второй половины XIX в. является отдельной и очень интересной темой. Мы же только отметим, что главная художественно-промышленная школа страны одной из первых откликнулась на веяние времени и стала готовить женские кадры.

В преподавательский и административный состав училища в конце XIX века входили самые известные деятели культуры России: Л. М. Браиловский, В. М. Васнецов, Л. Н. Кекушев, Н. С. Курдюков, С. А. Мамонтов Ф. О. Шехтель, А. В. Щусев и многие другие. Этим людям была небезразлична судьба народного искусства, в том числе гжельского промысла, из глубин которого черпались художественные приемы, идеи и сюжеты, изучаемые, преподаваемые и развиваемые в училище.

На общем фоне подъема художественно-промышленного образования в России на рубеже веков Строгановское учи-

лице достигает высшей точки развития. Период расцвета училища связан с именем Николая Васильевича Глобы, который пробыл на посту директора с 1896 г. по 1917 г. Н. В. Глоба происходил из малороссийских дворян. Обучался в Академии художеств, которую окончил в 1887 г. со званием классного художника. В 1894 г. он возглавил отдел кустарной промышленности в Департаменте мануфактур Министерства финансов.

Н. В. Глоба, директор училища

Через год был назначен на должность инспектора по художественно-промышленному образованию, затем перешел в Строгановское училище, которое вскоре возглавил.

Именно с деятельностью Н. В. Глобы связаны замечательные страницы истории художественно-промышленного образования, в том числе художественно-промышленного образования в одном из наиболее известных народных художественных промыслов – Гжельском керамическом промысле.

2. Общая характеристика гжельского промысла

Гжель... Слово это знакомо не понаслышке далеко за рубежами великой России. Изделия гжельских мастеров давно покорили мир. Но о том, что Гжель – это название не только одного из сел, но целой округи, известно немногим. Случается, туристы, которых бывает в здешних местах немало, удивляются: почему Гжельский государственный художественно-промышленный институт находится в поселке Электроизолятор, производственное объединение «Гжель» – в Турыгино, фарфоровые заводы – в Речицах, Кузьяеве или Новохаритонове?

Так уж случилось, что название бывшего волостного центра стало собирательным для нескольких десятков поселений, символом неповторимого народного искусства. Почему так назва-

ли село, а потом и промысел, можно только предполагать. Одно из толкований: слово «гжель» созвучно глаголу «жечь», а глину жгли, как говаривали в старину о гончарстве, в каждой избе.

И грех было бы не жечь: не землей живем, а глиной, – уверяли гжельцы. *«Земля песчаная, хлеб средственный, покосы худшие, лес дровяной...»*, – так представлена Гжельская волость в одном из архивных документов. *Зато, «...едва ли есть земля самая чистая и без примешания где на свете... разве между глинами, для фарфору употребляемыми, какова у нас гжельская...»*, – писал М.В. Ломоносов. Высококачественные гжельские глины и послужили основой для широкого развития народного промысла, а затем и керамического производства.

Первое упоминание о Гжели обнаружено в духовной грамоте Ивана Калиты. И потом это название встречается в архивных документах все чаще. Иван Грозный обозначает ее уже как «государева дворцовая волость», царь Алексей Михайлович в XVII веке приказывает *«...во Гжельской волости для аптекарских и алхимических сосудов применять глины...»*. При Петре I здесь «приискивали» глину для кирпича, при его дочери, императрице Елизавете – для первого в стране фарфорового завода.

О невероятной популярности сработанной подмосковными умельцами посуды имеется немало свидетельств. Одно из них содержится в дневниковой летописи «Памятник претекших времен, или краткие исторические записки о бывших происшествиях и о носившихся в народе слухах» А. Т. Болотова. В хронике за 1796 год промыслам посвящен специальный параграф, в котором отмечается: *«Как в сие время, так уже за несколько десятков лет, однако не более как лет за 25, вошло в обычай вместо прежней оловянной посуды, на столах в дворянских домах, употреблять глиняную, деланную у нас на гжельских заводах, по форме и под видом фаянсовой. В немногие годы была посуда сия везде и везде, где белая, где палевая, где гладкая, где с каемкой, и довольно дешево...»*.

Первые керамические мануфактуры стали появляться в Гжели в самом начале XIX века. Завод Копейкина, например, был открыт в селе Игнатьево в 1802 г. и просуществовал до 1899 года [41, л. 2]. Продукция небольших керамических заводов уже тогда была признана «официально». В 1812 г. выходит «Статистическое описание Московской губернии» под редакцией С. Чернова. В данном государственном издании гжельская посуда была названа лучшей в России. Отмечалось, в частности, следующее: *«Глина для фаянсовой посуды находится Брон-*

нищкаго уезда в Гжельской волости и делаемая здесь посуда, называемая обыкновенно Гжельскою, есть может быть лучшая из всех, делаемых в России сего рода посуде» [48, с. 28]. Ассортимент тоже был впечатляющим: из красной и белой глины производили разных сортов обывденную посуду и сервизы, кувшины, горшки, корчаги, а также белый кирпич, изразцы и плитки. Сегодня исследователей изумляет то, как неизбежная погоня за массовостью не помешала гжельским мастерам развивать и утверждать самобытную творческую манеру и поддерживать репутацию продукции со своей маркой.

Как известно, в конце XIX в. в России окончательно сложились капиталистические отношения, что привело к росту промышленного производства и разделению труда. Эти процессы не могли не затронуть и Гжель, где фабрики начали открываться повсеместно, а производственный цикл стал разбиваться на технологические операции. При этом собственно роспись часто выделялась в отдельный этап производства, который осуществляли так называемые «кустарни».

Кустарен в Гжели было очень много, несколько в каждой деревне. Работали в основном незамужние девушки, не обремененные хозяйством. Число работниц в кустарне не превышало 10-12 человек. Исключение составляли две артели братьев Орловых в деревне Фенино, на которых трудилось более чем по 20 человек. Орловы покупали не расписанную посуду в Дулево, а готовую продукцию отправляли на Нижегородскую ярмарку. Такой принцип работы был принят повсеместно. «Бельё» – белая обожженная фарфоровая и фаянсовая посуда – приобреталось на стороне, расписывалось и повторно обжигалось. В дальнейшем готовая посуда сдавалась оптом приемщику фабрики или торговой конторы. Таким образом,

Обложка книги «Статистические описание Московской губернии»

труд гжельских мастеров часто заключался только в художественном оформлении керамики.

Кроме «кустарен» в округе работало много керамических мануфактур. Наиболее известные из них – заводы Дунашева, Фартального, Кузнецова, Куринова и другие. Завод Дунашова в основном обслуживался кустарнями деревень Бахтеево, Жирово, Игнатьево, Турыгино, а Фенино и Ново-Харитоново работали с фабрикой Куринова. Однако постоянных связей кустарен с конкретными заводами не было.

Для увеличения прибыли заводчики шли на хитрости: обязывали кустарей покупать золото и краски именно у того хозяина, которому они впоследствии сдавали работу, требовали покупать продукты в лавке, принадлежащей хозяину фабрики, что, конечно, усложняло и без того непростую жизнь «писарих» и не способствовало развитию их мастерства. Еще одно негативное обстоятельство обуславливало снижение художественного уровня изделий. А именно – потворство невзыскательному вкусу покупателей продукции гжельских умельцев. Заводчик был заинтересован в объемах продаваемой посуды, при этом художественная ценность изделия ставилась на второй план. Если изделия продаются, то зачем искать новые формы и сюжеты? Тем более, что в этом случае придется дополнительно оплачивать труд высококвалифицированного художника, а не только ремесленниц, работающих по образцу.

Мастер А.Г. Семенов из гжельской деревни Игнатьево, который в конце XIX – начале XX в.в. работал на одном из предприятий Кузнецова, отмечал, что *«роспись ничего особенного не представляла, а главное заключалось в позолоте»*. При этом ценность изделия, по его свидетельству, определялась количеством золота, нанесенного на посуду. Была роспись в «полнотро», это когда чашка покрывалась золотом изнутри до половины глубины. Если полоса золота была менее широкая, то такая роспись называлась «манер», то есть на манер «полнотра», но не «полнотро». Такая посуда стоила дешевле. Был еще так называемый «клеек», когда посуда сплошь покрывалась золотом снаружи [38]. Подобные изделия отличала вычурность, грубость форм и росписи, стремление выдать дешевое за дорогое.

Хозяевами многочисленных заводиков по производству керамической продукции, повсеместно возникающих на гжельской земле, как правило, были недавние крестьяне, выбившиеся в люди благодаря сметке и настойчивой работе.

История донесла до нас имена многих гжельских фарфоровых заводчиков. Это известные до сих пор фамилии Дунашовых, Храпуновых, Куриновых, Жадиных. Хотя, конечно, самым известным «фарфоровым королем» был знаменитый Матвей Кузнецов.

С фамилией Кузнецовых, и поныне известных и почитаемых в Гжели фабрикантов, связана легенда. Кузница их стояла на бойком месте, на Касимовском тракте, теперешнем Егорьевском шоссе. Василий Яковлевич, предок будущих фарфоровых королей, не только ковал деревенских лошадей, чинил телеги и разный инвентарь, но и принимал путников на постой. По

слухам, однажды заехал к кузнецу богатый татарин и после этого исчез бесследно. А кузнец стал богатеть ... Правда это

Матвей Сидорович Кузнецов

или наговор – неизвестно, ведь удачливым землякам завидовали многие, потому без слухов и домыслов не обходилось. Дела у Василия Яковлевича пошли в гору, стал он строить завод, от бывшего оставил себе только фамилию, записавшись Кузнецовым. Сыновья и внуки бывшего кузнеца приумножали успешный бизнес. Но поистине невероятных успехов добился его правнук Матвей Сидорович Кузнецов.

М. С. Кузнецов с супругой 1865 г.

Известно, что в пятнадцать лет отец отправил его в коммерческое училище в Латвию. В свободное

*Витрина павильона товарищества Кузнецова на выставке
в Нижнем Новгороде. Кон. XIX в.*

время юноша осваивал секреты фаянсового и фарфорового производства на заводе отца в Риге. Матвей вполне успешно справлялся с возложенными на него надеждами, и в духовном завещании умершего вскоре отца он был назван единственным наследником большого капитала.

Фабрика Гарднера в Вербилках

Молодой хозяин взялся за дело решительно, стал совершенствовать технологии, привлекать лучших специалистов, покупать новые предприятия. Приглянулась ему, к примеру, изящная продукция известного завода Ауэрбаха (нынешний Конаковский), сменившего к тому времени несколько хозяев, – и вскоре завод стал его собственностью. Затем был приобретен завод Гарднера, в то время один из лучших в России.

Ф. Я. Гарднер

Производство реконструировалось, расширялось, строились новые предприятия. В 1887 г. была создана компания «Товарищество производства фарфоровых и фаянсовых изделий М. С. Кузнецова» с правлением в Москве.

Две трети всей продукции отрасли в стране выпускалось с маркой Кузнецова [15, с. 44–68].

Торговый дом Кузнецова на Мясницкой ул. В Москве

Отдельно следует отметить, что на заводах Кузнецова производилась также и церковная утварь и даже храмовые фарфоровые иконостасы.

1855 г. 1861 г. 1785 г. 1872 г. 1882 г.
1865 г. 1872 г. 1882 г. 1886 г.

ТОВАРИЩЕСТВО ПРОИЗВОДСТВА ФАРФОРОВО-ФАЯНСОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ

М. С. КУЗНЕЦОВА.

Правленіе и строительная контора въ Москвѣ, Мясницкая ул., д. № 8—2.

ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНО-СТРОИТЕЛЬНЫЙ.

Новость въ церковно-иконостасномъ строительствѣ.

На фабрикѣ Товарищества М. С. Кузнецова вырабатываются церковные фаянсово-эмалевые иконостасы, кіоты и подвѣщники.

Раскраска ихъ производится разноцвѣтными живописными, маіоликовыми и эмалевыми красками и золотомъ.

Иконостасы, кіоты и подвѣщники фаянсовые отличаются прочностью, красотой и изяществомъ и такъ какъ они, будучи глазурованными, раскрашенными и позолоченными, обжигаются при очень высокой температурѣ (1200°), поэтому прочность красокъ и золота допускаетъ держать ихъ всегда въ безусловной чистотѣ и опрятности. Пыль и копоть стираются съ фаянсовыхъ издѣлій безслѣдно.

Фаянсово-эмалевые иконостасы являются конкурентами какъ деревяннымъ иконостасамъ, такъ и мраморнымъ. Деревянные иконостасы высыхаютъ, вслѣдствіе чего рѣзба отваливается, а золото скоро тускнѣетъ, а посему и требуетъ скораго и дорогого ремонта и новой позолоты, а мраморные тяжелы и гладкіе некрасивы, а рисуночные рельефные слишкомъ дороги.

Устройство иконостаса, какъ и самой церкви, составляетъ цѣлое церковное событіе. Какъ церковь, такъ и иконостасъ устраиваются на цѣлыя столѣтія, а потому прочность иконостаса должна стоять при заказѣ его на первомъ мѣстѣ.

Если фаянсовый иконостасъ стоять при первоначальномъ устройствѣ, противъ иконостаса деревяннаго, нѣсколько дороже, то впоследствии онъ, не требуя ремонта, обойдется несравненно дешевле деревяннаго.

Прочность фаянсоваго иконостаса, красокъ и золота на немъ гарантируется на нѣсколько лѣтъ.

Если бы нѣкоторыя части въ фаянсовомъ иконостасѣ лопнули или разбились, то мы замѣняемъ эти части новыми безплатно, не трогая иконостаса.

Вообще новость эта заслуживаетъ со стороны любителей церковнаго благолѣпія полнаго вниманія.

Рисунки, смѣты и всѣ свѣдѣнія о постановкѣ иконостасовъ высылаются нами немедленно.

Рекламное объявление о производствѣ иконостасов

*Храм во имя Георгия Победоносца,
выстроенный Кузнецовыми в 1912 г. на Гжельской земле*

3. Образование на промысле до открытия филиала Строгановского училища

История Кузнецовых, в общем, типична для Гжели. Хозяевами небольших гжелских предприятий, как правило, были крестьяне, выбившиеся «в люди», благодаря сметке и трудолюбию. В первой половине XIX века в Гжели сформировался слой таких «доморощенных» промышленников, которые во втором и в третьем поколении по праву стали называться фабрикантами. С грамотностью у гжелских фабрикантов дела обстояли неважно, но это обстоятельство их не особенно удручало. Вот как описывает проблему образования в Гжели в 1864 году очевидец:

«Грамотность фабрикантов ограничивается чтением и плохим письмом, а есть и много таких, которые и того не знают. Книг никаких не ведут, ученость основана на громадной памяти. На счётах делают очень сложные расчеты и при быстром соображении считают верно, и легко. Книг никаких не читают, кроме религиозных и то мало. В грамотности и теперь многие не видят необходимости, уверяя, что они свой век хорошо прожили и без грамотности...»

Каждый фабрикант, кажется, инстинктивно боится дать правильное или техническое образование своему сыну. Куда отдать своего сына для образования? Если образовать его в гимназии, а тем более в ремесленном заведении или технологическом институте, пожалуй, учение для завода и впрок не пойдет. Чего доброго сын совершенно отшатнется от своего мужика-отца и от той среды, в которую должен вернуться из училища. А то придет на завод, да и начнет сразу гнуть все по ученому, не разбирая, хорошо ли это будет, или нет» [7, с. 396-397].

Таким образом, гжелские фабриканты, прекрасно осознавая свое происхождение, не только не видели особого смысла в собственном образовании, но и опасались, что их образованные дети могут «отшатнуться» от отца и его дела.

Следует отметить, что приблизительно в это время в Гжели начинает формироваться система начального образования. В результате знаменитой земской реформы, еще в 1873 году Бронницким Земством было открыто Турыгинское земское начальное училище. Помещение для него предложил попечитель училища, известный в округе фабрикант Мефодий Васильевич Дунашов. Здание было одноэтажное, деревянное,

Успенская церковь в Гжели, фото нач. XX в.

крытое тесом, с освещением и отоплением, но тесное для занятий. Наглядных пособий и библиотеки не было.

По сведениям 1883 года училище посещали дети из всех окрестных деревень, насчитывающих около 450 дворов. С 1882 года в училище был установлен трехлетний срок обучения, преподавались общеобразовательные предметы – чтение, письмо, арифметика, закон Божий. Согласно общепринятым в то время порядкам, в воскресные и праздничные дни ученики были обязаны посещать церковь, а по окончании обучения в земском училище выпускники получали в подарок Евангелие. Это могло считаться ценным и полезным подарком, так как книги в то время были относительно дороги, а значение церкви в духовной жизни гжелцев было велико [29, с. 9].

В 1883 года в училище была введена художественная дисциплина – рисование по знаменитому атласу С. Измайлова, который был издан в Москве и использовался в учебных заведениях художественной направленности. Для общеобразовательного земского училища обучение рисованию было диковинкой. В дальнейшем, М.В. Дунашов стал уделять большое внимание обучению детей скульптуре, формовке и вообще всему, что могло бы содействовать воспроизводству кадров художников-керамистов.

Нужно отметить, что еще в конце 70-х годов XIX века на волне земских реформ в Московском губернском земском собрании обсуждался вопрос о целесообразности открытия специализированных учебных заведений в местах развития народных промыслов. К 1879 году, согласно стенограммам заседаний, такие заведения в Московской губернии уже были открыты и работали не менее 2-х лет «в двух округах: мебельном и подносном» [27, с. 50]. Интересно, что места открытия классов не указаны, а приводятся лишь направления их деятельности. И, наконец, в 1880 году, собрание обращает свое внимание на «керамический округ», имея в виду Гжельскую волость.

Декабрьские 1880 года заседания Московского губернского земства в большой своей части были посвящены вопросам народного образования. Параграф 7-й доклада о проблемах народного образования так и назывался: «об открытии классов технического рисования». В обсуждении доклада принял участие гласный (депутат, представитель) от Бронницкого земства, гофмейстер двора Его Императорского Величества, председатель «Общества распространения ремесленного образования среди бедных детей» Н. Д. Ахлестышев. Именно он и внес предложение о создании в Гжели классов технического рисования. Приведем фрагмент выступления депутата на вечернем заседании 8 декабря 1880 года: *«Бронницкое уездное земство в прошлом году ходатайствовало об открытии классов технического рисования в Гжели. <...> Этот вопрос имеет значение по существу. Я не стану доказывать пользу технического рисования. Это доказано фактами, против которых никто не спорит. Я буду говорить о том, что касается до Гжельского промысла. Всем известно производство Гжели и окрестностей. Известно также, что предметы этого промысла имеют громадный сбыт не только в европейской России, но даже в Сибири, Турции и Молдавии. Значит – служат предметом заграничного вывоза. Отсюда ясно, какое значение*

будут иметь классы технического рисования для промышленности Гжели при выделке предметов для развития вкуса. Я предвижу одно возражение, что плохия изделия Гжельской промышленности сбываются хорошо, и, следовательно, изящные не будут находить для себя сбыта. Но скажу на это: если будут предлагать вещь плохую, то я беру; но если будут предлагать вещь плохую и изящную, то я конечно возьму изящную. В настоящее же время нет выбора. Далее, могу сказать, что промышленность может исправить народный вкус, может будить ту изящную форму вкуса, которая дремлет в народном сознании. Мое предложение клонится к тому, что устройством технических классов в Гжели достигнутся две цели: дастся возможность улучшить производство и затем дастся возможность мелким кустарям поддержать свою промышленность. Очевидно, что крупные фабрики имеют возможность приобретать хороших рисовальщиков и хорошия рисунки, чего конечно не могут достигнуть мелкия кустарники. Крестьяне же могут подготавливаться к техническому рисованию, а также и мелкие кустарники. Но мне могут возразить, что эти классы могут встретить несочувствие, как в местном населении, так и со стороны фабрики. Но, мм. гг., всякий первый шаг борется с трудностями; всякий новый шаг встречает препятствие в рутине. Нужно надеяться, что здравый смысл восторжествует и здесь. Мое предложение: поручить губернской управе составить доклад о возможности устройства классов технического рисования в гжельской местности» [27, с. 53].

Предложение Н. Д. Ахлестышева было принято. Более того, его речь, судя по всему, произвела такое впечатление, что, по мнению части депутатов, сумму, выделяемую земством на развитие художественного образования на весь Московский округ, следовало разделить пополам, при этом одну половину выделить на обустройство классов в Гжели, а вторую направить на другие цели.

Но открыть классы технического рисования в Гжели в 80-е годы Земству так и не удалось. О причинах можно только строить предположения, одно из которых сводится к тому, что не была достигнута договоренность между земцами и руководством Строгановского училища. А в пользу того, что открытие классов связывалось именно со Строгановкой, говорит хотя бы само название классов – «классы технического рисования». То есть точно так же, как именовалось училище – «Центральное

Члены Правления Гжельской волости. Нач. XX в.

Императорское Училище технического рисования». Трудно представить, чтобы это было простым совпадением.

Принципы обучения ремеслу еще долго оставались традиционными для народных промыслов. Детей 8-9 лет, чаще всего девочек, посылали на обучение в «кустарни». Специальных методов обучения не существовало. Мастерство осваивали «по ходу дела», перенимая приемы работы у мастеров. Как правило, это были родственники. Чтобы не использовать дорогие краски, ученики писали разведенной сажей, но достаточно быстро, иногда через месяц, получив первичные навыки, начинали работать «в деле», расписывали мелкие предметы: крышечки, солонки, чернильницы, а еще через несколько месяцев получали для росписи «рядовой» товар. Но, несмотря на это, в течение всего первого года работы труд не оплачивался, он считался учебным. С другой стороны, и плата за «науку», как правило, не взималась. Продукция, выполненная учеником, – а рано или поздно ученик начинал создавать полноценный продукт – реализовывалась мастером в свою пользу.

История донесла до нас уникальные свидетельства таких подмастерьев, работавших на мелких кустарных предприятиях Гжели в конце XIX века. Интервью у них были взяты в 50-х годах XX века и опубликованы в 1957 году в работе О. С. По-

повой «Художественный фарфор Гжели». Так, А. Ф. Кустарева из д. Игнатьево рассказала, что в детстве и юности (в 90-х годах XIX века) работала у кустика Самарина в Речицах. *«Работать пошла с 8 лет, а как только вышла замуж, роспись оставила, занялась хозяйством. Так поступало большинство. Бывало, сегодня девку просватают, а на завтра уж на ее месте другая сидит, работает».* Никакой механизации в мастерских не было, даже отводку делали от руки, ловко поворачивая чашку на колене. Та же А. Ф. Кустарева рассказывает о зарплатке: *«Если принесет девка 8 гривен в получку (80 копеек за неделю работы), то мать перед соседками хвастает»* [38]. Для сравнения: средняя недельная зарплата рабочего в Московской губернии в 80-х гг. XIX в. составляла около 3 рублей, в начале XX в. – 5 рублей [17, с. 308-330].

Основной целью художественно-промышленного образования того времени было обучение ремеслу, при этом развитию художественных задатков внимания уделялось недостаточно. Тем не менее, среди живописцев выделялись одаренные художники, память о которых сохранялась многие десятилетия. Как известно, цветочная тема всегда была одной из традиционных в гжельской росписи. Ванюшова Ф. П. из д. Фенино рассказывала об одном талантливом мастере по прозвищу Светлый, известном в то время в Гжели: *«Куда бы он не приходил работать, кто посмекалистее да половчее – старались у него перенять что-нибудь новое, интересное... Как-то он подошел ко мне. Мне в то время лет 10 было, и говорит: «Так не пишут»; вышел, набрал*

Изразец печной, роспись по эмали, Гжель XVIII в.

во дворе букет цветов, поставил передо мной в кружку и ловко написал один из них на чашке: «Вот как надо цветы писать, старайся». Через несколько дней Светлый зашил, но Ф. П. Ванюшова на всю жизнь запомнила его случайный урок [38].

Таково было состояние начального и художественно-промышленного образования в Гжели к концу XIX века, когда на него обратила внимание администрация Строгановского Императорского училища технического рисования.

4. Открытие филиала Строгановского училища в Речицах

В течение всего XIX в. интерес к национальным корням искусства постоянно возрастал. Величайшие композиторы, литераторы, художники черпали вдохновение в народном творчестве. Народное искусство постепенно становится предметом пристального изучения, а затем и объектом целенаправленной государственной поддержки. На рубеже XIX и XX вв. издаются фундаментальные исследования, посвященные народным ремеслам и развитию кустарной промышленности [3, 6, 36, 37.]. На государственном уровне обсуждаются вопросы организации художественного образования не только в специализированных учебных заведениях и мастерских, но и в народных школах, ремесленных училищах [10, 40.]. Кроме того, императорская чета и многие представители царствующей фамилии были поклонниками и ценителями народного творчества

*Его Императорское Величество Николай II
и Ее Императорское Величество Александра. Фото кон. XIX в.*

В авангарде этого процесса находилось главное художественно-промышленное училище Российской Империи. Основные принципы организации обучения в училище предполагали возможность получения блестящего образования для всех сословий [5]. Провинциальная Гжель с ее самобытностью привлекала внимание преподавательского состава Императорского училища технического рисования, при этом снижение художественного уровня гжельских изделий вызывало озабоченность творческой интеллигенции [13, с. 175]. Основатель знаменитого училища граф Сергей Григорьевич Строганов считал, что прикладное искусство – именно искусство, а не ремесло, и, значит и работать в этой области должны не ремесленники, а художники – мастера, способные развивать национальный стиль [15, с. 104].

Эти идеи в конце XIX в. претворял в жизнь директор Строгановки Николай Васильевич Глоба, благодаря которому училище стало развивать сеть своих филиалов.

С 60-х годов XIX в. в Строгановском училище начался активный процесс открытия различных мастерских, который продолжался до начала XX в. Одной из первых, в 1866 г., в училище была открыта керамическая мастерская. Разумеется, руководство училища имело самые тесные связи с большинством мест бытования народных гончарных промыслов, а с Гжелью – в первую очередь. К концу XIX в. мастерскую возглавлял вы-

Работа в керамической мастерской Строгановского училища. Нач. XX в.

Главный павильон Нижегородской выставки. Кон. XIX в.

дающийся мастер-керамист из гжельских Речиц Г. В. Монахов (о нем подробно будет рассказано в следующем разделе).

Но не только традиции и особенности гжельской керамики использовались в работе мастерских. Сама глина привозилась с гжельских месторождений. Так, например, в 1896 г. Строгановское училище приняло традиционное участие во Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде. Как экспонент, администрация училища заполняла множество бланков, заявок и т. д. В числе прочих документов был такой: *«Сведения, необходимые при составлении указателя выставки и при оценке произведений экспертами»*. Так как большую часть привезенных на выставку экспонатов составляла продукция гончарной мастерской, то и сведения представлялись по этому направлению. Пятым пунктом шел вопрос: *«Откуда, в каком количестве и на какую сумму получают первообразные или полуобработанные материалы?»* И ответ: *«Глина для гончарных изделий приобретается в Московской губернии в местечке Гжель на сумму до 100 рублей»* [43, л. 60].

Подобная картина наблюдалась и в 1900 г., когда продукция гончарной мастерской Строгановки отправилась на Всемирную выставку в Париж. Здесь также заполнялись *«сведения для каталога и экспертиз»*. И на вопрос, откуда и на какую сумму получает училище товар для обработки, было указано: *«Рисовальные материалы (бумага, карандаши, тушь, уголь, краски, кисточки и пр.) приобретаются большей частью за*

границей <...>. Глина же для гончарных изделий получается из местечка Гжель Московской губернии <...>» [4, л. 25 – 26].

Как уже отмечалось, в описываемый период училище подчинялось Министерству финансов, состоя в ведении Департамента Торговли и Мануфактуры. Будучи государственным учебным заведением, все свои расходы оно было обязано согласовывать с Министерством финансов. Ежегодно составлялся отчет о деятельности училища за истекший учебный год, который состоял из многих глав, описывающих учебную, научную, хозяйственную и финансовую деятельность, а также кадровые и ученические вопросы. Именно эти отчеты, сохранившиеся в Российском Государственном Архиве литературы и искусства, и дали драгоценную информацию о создании первой профессиональной художественной школы на гжельской земле.

В отчете за 1898-1899 учебный год отмечено следующее:

«...За истекший учебный год при Строгановском училище разрешены Господином Министром Финансов к открытию следующие филиальные отделения:

В селе Речицах Бронницкаго уезда Московской губернии и в селе Лигачеве Московскаго уезда; последнее открыто 1 июля 1899 года.

Кроме того, Строгановское училище ходатайствует об открытии филиальных отделений в Сергиевском Посаде и в Москве при Московской пробирной палате...» [32, л.38].

Отсюда можно сделать вывод, что в числе нескольких филиальных отделений, открытых в 1898-1899 учебном году, Речицкое отделение было открыто первым.

В 1916 г. была выпущена брошюра, содержащая в себе отчеты Строгановки сразу за несколько лет. Если прежние отчеты представляли собой рукописные, или отпечатанные на машинке листы формата чуть большего, чем сегодняшний формат А4, то сводный отчет, изданный в самом конце 1916 г., представлял собой книгу в твердом переплете приблизительно формата А5, отпечатанную типографским способом в одной из центральных типографий Москвы на Кузнецком мосту. Сводный отчет объединил целый ряд предыдущих отчетов, но главная его ценность заключается в обширной статье, описывающей и обобщающей деятельность училища за прошедшие 20 лет. То есть отчет 1916 г. – это не специализированный документ на нескольких листах, который представляли собой

ежегодные отчеты, а ретроспективный анализ прошедших десятилетий. Из него следует, что в 1899 г. были открыты целых шесть филиальных отделений. (Речицкий филиал по-прежнему стоит на первом месте):

«VI. Филиальные отделения училища.

*В 1899 году училищем **был открыт** ряд филиальных отделений:*

- 1. В селе Речицы Моск. губ.*
- 2. В селе Лигачеве Моск. губ.*
- 3. В Сергиевском Посаде Моск. губ. Дмитровского уезда.*
- 4. В г. Острогояске Воронежской губ.*
- 5. В селе Аксиньине Моск. губ. Звенигородского уезда.*
- 6. В селе Архангельском Моск. губ» [33, л. 33].*

Интересно отметить, что в отчете за 1900/1901 учебный год филиалов остается всего четыре:

*«...В нынешнем году Училище **имело** 4 филиальные отделения:*

- 1. В селе Лигачеве, Московского уезда*
- 2. В селе Речицах Бронницкого уезда*
- 3. В Сергиевском Посаде Дмитровского уезда*
- 4. При Московском пробирном управлении ...» [34, л. 25].*

В общем, здесь противоречия нет. В 1916 г. сообщается, что в 1899 г. **открылось** шесть отделений, а в 1901 г. **осталось** четыре. Отсюда можно сделать вывод, что отделения в Воронежской губернии, в Архангельском и Аксиньине закрылись, просуществовав не более двух лет, а филиал при Московском пробирном управлении был открыт в период с 1900 по 1901 гг.

Также в отчете 1916 г. были обнародованы принципы организации филиалов, которые прямо указывают на то, что целью обучения в них является развитие местных кустарных производств:

«Во всех этих отделениях (филиальных) учащиеся получают теоретическое художественное и практическое образование с узкоспециальными целями, преследуемыми местными кустарными производствами. Обучение в них бесплатно. Руководителями филиальных отделений состоят преподаватели Строгановского училища, специально откомандированные для занятий в них» [33, л. 33 об.].

Филиальные отделения открывались Строгановским училищем в тесном взаимодействии с местными земскими управами. Как правило, Училище предоставляло своего заведующего и одновременно преподавателя, оплачивая его содержание,

Здание Бронницкой Земской управы. (двухэтажное перед колокольней) Кон. XIX в.

*Здание бывшей Бронницкой Земской управы.
Сегодня здесь располагается музей г. Бронницы*

а также оригинальные методические разработки. Земская управа обеспечивала филиалы помещением и оборудованием.

Что касается содержания, отпускаемого на командированного ученого рисовальщика, то оно варьировалось в течение более чем пятнадцати лет работы филиала, но в 1899 г., когда филиалы только открывались, заработная плата составляла 600 рублей в год, то есть 50 рублей в месяц. Кроме этого, училище на первых порах оплачивало также и квартиру заведующего в размере 25 рублей в месяц.

Здесь следует отметить, что уже с 1901 г. расходы, связанные с наймом квартиры для заведующего, взяла на себя местная управа:

«...Назначаемая ежегодно сумма на содержание училища по смете Министерства финансов по Департаменту Торговли и Мануфактуры – 66 748 р. 76 к. – с начала 1899 года увеличилась на 1 800 рублей, из которых 1 200 р. ассигнованы на вознаграждение преподавателей в 2-х филиалах – в селе Лигачеве Московского уезда и в селе Речицы Бронницкого уезда и 600 р. на наем квартир для служащих ...» [32, л. 34].

Интересно, что в 1913 и в 1914 гг. общая сумма расходов на содержание филиалов уменьшилась. В отчетах за эти годы есть такие записи:

«Расходы, предусмотренные сметой на содержание училища. 1913 г.

1. На филиальные отделения училища

Предполагаемый расход 2000 руб.

Израсходовано 949, 04 руб.

Остаток 1050, 96 руб...» [35, л. 23].

«Расходы, предусмотренные сметой на содержание училища. 1914 г.

1. На филиальные отделения училища

Предполагаемый расход 2000 руб.

Израсходовано 1 000 руб.

Остаток 1 000 руб...» [35, л. 28].

Разумеется, работа филиальных отделений Строгановского училища требовала серьезных финансовых и административных затрат. Но Министерство Финансов, в ведении которого находилось училище, шло на эти издержки, руководствуясь соображениями не сиюминутной материальной выгоды, а государственными интересами, в круг которых входили развитие народного искусства и его продвижение. При этом, без

*Князь Ф. Ф. Юсупов,
член попечительского совета
Строгановского училища
с супругой. Нач. XX в.*

сомнения, учитывалась очевидная практическая польза, которую несет такая поддержка для будущих поколений. Кроме того, в Попечительский совет училища входили представители самых именитых и состоятельных фамилий, что придавало детищу графа Строганова особый статус.

Период создания филиальных отделений Строгановского училища был периодом высшего расцвета художественно-промышленного образования в государственном масштабе в дореволюционной России. Во многом этого положения удалось достичь в результате поддержки со стороны сестры императрицы Александры Федоровны Великой княгини Елизаветы Федоровны, августейшей покровительницы Строгановского училища.

Следует отметить, что обучение мастеров в специализированных школах не означало постепенного умирания традиционной передачи навыков и мастерства по старинке «от отца к сыну», оно лишь утверждало ценность народного художественного творчества на государственном уровне [12, с. 13].

*Великая княгиня
Елизавета Федоровна,
августейшая покровительница
Строгановского училища*

5. Преподавательский состав и организация обучения в филиале

На момент написания этой работы авторам известны четыре человека, преподававших в Речицком филиале Строгановки. Это Петр Яковлевич Овчинников, Викентий Павлович Трофимов, Павел Григорьевич Смирнов и Трофим Афанасьевич Жадин. Причем достоверные архивные материалы, свидетельствующие о преподавании в Гжели в течение более или менее длительного времени, сохранились об Овчинникове, Трофимове и Смирнове. Что же касается Жадина, то сведения о его педагогической работе в филиале имеются в монографиях Т. Л. Астраханцевой [2, с. 258] и П. Н. Исаева [16, с. 93], но без указания источника информации. В работе П. Н. Исаева, в частности, говорится: «Жадин Трофим Афанасьевич (1861, с. Речицы Гжелской волости Бронницкого уезда Московской губ. – 1935). Художник-керамист. Педагог. Сын заводчика А. В. Жадина.

Преподавал в филиальном отделении Строгановского училища в с. Речицы, Бронницкого уезда Московской губ. Экспонент Всероссийской промышленной и худож. выст. в Нижнем Новгороде (1896, серебряная медаль) и международной худож.-пром. выст. керамических изделий в Санкт-Петербурге (1901). После 1917 г. вместе с братом Константином Афанасьевичем продолжил выпускать на фамильном заводе разнообразные изделия из керамики. В 1920-е гг. завод Жадиных фактически приравнивали к госпредприятию. Параллельно с деятельностью заводчика, Жадин участвовал в создании Гжелской керамической школы (1921, вел практические занятия) и Гжелского керамического завода «Всекохудожник» (1929). Участник 1-й Всероссийской сельскохозяйственной выставки в Москве (1923)» [16, с. 94].

Вероятно, что за более чем 15-ти-летний период работы Речицкого филиала в нем преподавали и другие сотрудники, но их имена обнаружить не удалось. Кроме того, есть основания полагать, что к педагогической деятельности в Речицком филиале имел отношение Харлампий Егорович Монахов – сын известного гжелского мастера-керамиста Е. В. Монахова. Это предположение будет отдельным образом рассмотрено в разделе, посвященном семье Монаховых.

Петр Яковлевич Овчинников

Как уже отмечалось, филиал в Гжели был открыт в 1899 г. Сам факт формального открытия не означал начала занятий, которые стали проводиться не ранее октября 1900 г. и не позже января 1901 г. Последняя дата подтверждается архивными документами, хотя есть основания предполагать, что первые занятия начались еще осенью 1900 г. Эти предположения основываются на том, что уже в сентябре 1900 г. в филиал был назначен первый руководитель – ученый рисовальщик Петр Яковлевич Овчинников. Его заявление с просьбой о замещении должности заведующего – первое в ряду подобных документов – датировано 18 сентября:

*«Его Превосходительству
Господину директору Строгановского училища.
Ученого рисовальщика Петра Яковлевича Овчинникова
Прошение.*

Представляя при сем диплом на звание ученого рисовальщика, <...>, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство об определении меня на государственную службу по Строгановскому училищу с откомандированием меня в филиальное отделение училища в село Речицы Бронницкого уезда Московской губернии.

1900 года сентября 18 дня.

Ученый рисовальщик Петр Яковлевич Овчинников» [22, л. 2].

Судя по всему, назначение состоялось незамедлительно. Такой вывод можно сделать на основании документа, напечатанного на машинке на бланке Строгановского училища:

«27 сентября 1900 года.

Свидетельство.

Дано сие штатному преподавателю рисования на вечерних классах Строгановского училища, состоящему в XII классе и откомандированному для занятий в рисовальной школе филиального отделения сего училища в с. Речица Бронницкого уезда Московской губернии, ученому рисовальщику Петру Яковлевичу Овчинникову, родившемуся 20 августа 1879 года, православнаго вероисповедания, холостому, для свободного проживания в г. Москве и с. Речице Бронницкого уезда Московской губернии, на все время нахождения его в указанной должности.

Директор Н. Глоба» [22, л. 31].

Столь короткий промежуток времени между прошением и назначением Овчинникова на должность дает основание ут-

верждать, что руководство Строгановки торопилось началом занятий в филиале. К этому времени Петр Овчинников, недавно окончивший Строгановское училище, успел чуть менее года проработать учителем рисования на вечерних курсах, организованных при училище в Москве. Этот короткий трудовой стаж позволил ему стать чиновником XII класса, то есть губернским секретарем. Происхождение же его было крестьянское, о чем свидетельствуют сразу несколько документов, находящихся в его архивном деле.

Во-первых «заявление» о приеме в училище:

«Господину директору Строгановскаго Центрального Училища технического рисования.

Крестьянина Зарайскаго уезда

Якова Кузьмина Овчинникова

Прошение.

Представляя при сем 1. метрическую о рождении и крещении выпускку 2. увольнительный приговор 3. справку о привитии оспы 4. аттестат об окончании курса сына моего 13 лет Петра Яковлева Овчинникова,

Имею честь покорнейше просить о принятии его в число учеников Строгановскаго центрального училища технического рисования.

Установленную плату за учебные материалы вносить обязуюсь.

1892 года июля 17 дня

Крестьянин Зарайскаго уезда Яков Овчинников» [22, л. 1].

По существовавшим законам согласие на такого рода прошения должен был давать сельский сход. Это было связано с воинской повинностью, которой подлежали молодые люди. В случае невозможно-

Чернильница «Пастушок», Гжель, 1910-е гг.

сти отбывтия повинности каким-либо членом крестьянской общины это бремя возлагалось на остальных крестьянских детей. Данное согласие называлось «Увольнительный приговор». В дальнейшем будет показано, что для прочих сословий указанная норма не действовала.

«Приговор

1892 года июня 22 дня.

Мы, нижеподписавшиеся крестьяне Рязанской губернии, Зарайского уезда, Каринской волости, деревни Кудиновой, дали сей приговор крестьянину Якову Казьмину Овчинникову в том, что он, в Строгановское Училище технического рисования желая определить своего сына Петра Яковлева Овчинникова, мы со своей стороны не имеем препятствия, в то и подписуемся 22 человека» [22, л. 2].

Кроме этого, все «абитуриенты» были обязаны быть привитыми от оспы. И такое свидетельство в деле также имеется:

«Свидетельство.

Дано сие крестьянке Зарайского уезда Каринской волости, деревни Кудиновой Александре Тимофеевой Овчинниковой, по личной ее просьбе, для представления в Строгановское училище в том, что сын ея Петр Яковлев Овчинников 13 лет от роду имеет на руках своих знаки от привития оспенной лимфы» [22, л. 4].

Интересно, что подобные свидетельства встречаются в личных делах учеников Строгановского училища довольно часто, но исключительно в делах крестьянских детей. Ни купеческие, ни дворянские дети почему-то таких справок не имели. Хотя, конечно, речь идет только о тех архивных делах, которые анализировались в ходе данной работы.

Проучившись в Строгановском училище положенные семь лет, Петр Овчинников успешно окончил его 30 сентября 1899 г. и получил диплом, представляющий собой большой красочный лист из плотного картона, в котором отмечалось следующее:

«Диплом.

30 сентября 1899 года.

Дан Овчинникову Петру Яковлевичу в удостоверение того, что он окончил полный курс означенного Строгановского Центрального училища технического рисования и при отличном поведении показал нижеследующие успехи по художественным и образовательным предметам:

Элементарное рисование – удовлетворительно.

Рисование цветов – очень хорошо.

Рисование орнаментов – хорошо.

Академический рисунок – очень хорошо.

Лепление – удовлетворительно.

Сочинение рисунков в применении к промышленности:

набивной – очень хорошо.

орнаментальной – хорошо.

Черчение – хорошо.

Чистописание – удовлетворительно.

История орнамента – удовлетворительно.

Закон Божий – хорошо.

Русский язык и словесность – хорошо.

Арифметика – удовлетворительно.

История – хорошо.

География – хорошо.

Элементарная геометрия – хорошо.

Начертательная геометрия – хорошо.

Перспектива – хорошо.

Теория теней – хорошо.

Методика рисования – хорошо.

На основании ст. 39 Устава Строгановского училища он, Овчинников, с утверждения г. Министра финансов удостоен звания ученого рисовальщика со всеми правами, присвоенными сему званию.

Председатель совета Строгановского училища В. Сапожников.

Директор Н. Глоба.

За инспектора С. Ноаковский» [22, л. 4].

Как видно из приведенного диплома, ученик Овчинников показал достаточно высокие оценки, что, вероятно, и позволило ему, как уже известно, сразу же по окончании Строгановки приступить к преподавательской деятельности на вечерних курсах, организованных при училище. А уже через год, имея за плечами определенный опыт педагогической деятельности, стать заведующим Речицким филиалом.

Приезд Петра Овчинникова в Гжель в начале октября 1900 г. для организации филиала подтверждается документально письмом Н. В. Глобы руководителю отдела народного образования губернской земской управы Н. Н. Хмелеву:

На бланке директора Строгановского училища написано:

«2 октября 1900 года

Его высокоородию

Николаю Николаевичу Хмелеву.

ДИРЕКТОРЪ
СТРОГАНОВСКАГО
ЦЕНТРАЛЬНАГО УЧИЛИЩА
ТЕХНИЧЕСКАГО РИСОВАНИЯ
ИЛИ
ИЗУЩЕСТВЕННО-ПРОМЫШЛЕННАГО
МУЗЕЯ
ВЪ МОСКВѢ.

2 Октября 1900 г.

№ 1437.

Милостивей Государь,

Николай Николаевичъ,

Его Высокородіе
Николай Николаевичу
Хмелеву.

Вопросъ объ организаціи Строгановскимъ Училищемъ классовъ технического рисованія въ Рѣчицкомъ школьномъ районѣ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ и въ тѣхъ же основаніяхъ, какія были приняты при организаціи подобныхъ же классовъ въ с. Дегачевѣ Московскаго уѣзда, т. е. Строгановское Училище принимаетъ на себя наблюдение за постановкой и веденіемъ учебнаго дѣла, назначаетъ преподавателя рисованія и вознаграждаетъ ему 600р. въ годъ, а Губернская Земская Управа, съ своей стороны, предоставляетъ просторное, свѣтлое и вообще удобное помѣщеніе какъ для самихъ классовъ, такъ и для преподавателя, классную обстановку и,

кромя того, даетъ средства на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій, рисовальныхъ матеріаловъ и принадлежностей.

Въ настоящее время, съ 20 Сентября с/г., мною назначены, и уже утверждены Учебнымъ Отдѣломъ Министерства финансовъ, преподавателямъ рисованія въ сихъ классахъ ученыи рисовальники Петръ Яковлевичъ Овчинниковъ.

Въ виду нездоровья, лично я не могу ѣхать съ г. Овчинниковымъ въ Рѣчицу, чтобы устроить его тамъ, а потому онъ ѣдетъ завтра къ Вамъ для полученія отъ Васъ надлежащихъ указаній и распоряженій относительно помѣщенія и проч.

Бполнѣ рассчитывая на Ваше содѣйствіе въ семъ полезномъ дѣлѣ, покорнѣйше прошу принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и уваженіи къ Вамъ

Н. Г. Глобы

Письмо
Н. В. Глобы
Н. Н. Хмелеву

Милостивый государь, Николай Николаевич.

Вопрос об организации Строгановским училищем классов технического рисования в Речицком школьном районе решен в положительном смысле и на тех же основаниях, какие приняты были при организации подобных же классов в с. Лигачеве Московского уезда, т. е. Строгановское училище принимает на себя наблюдение за постановкой и ведением учебного дела, назначает преподавателя рисования и вознаграждение ему 600 р. в год, а Губернская Земская Управа, со своей стороны, предоставляет просторное, светлое и вообще удобное помещение как для самих классов, так и для преподавателя, классную обстановку и, кроме того, дает средства на приобретение учебных пособий, рисовальных материалов и принадлежностей.

В настоящее время, с 20 сентября с/г., мною назначен, и уже утвержден Учебным отделом Министерства Финансов, преподавателем рисования в сих классах ученый рисовальщик Петр Яковлевич Овчинников.

В виду нездоровья, лично я не могу ехать с г. Овчинниковым в Речицу, чтобы устроить его там, а потому он явится завтра к Вам для получения от Вас надлежащих указаний и распоряжений относительно помещения и прочь.

Вполне рассчитывая на Ваше содействие в сем полезном деле, покорнейше прошу принять уверение в совершеннейшем почтении и уважении к Вам.

Н. Глоба» [26, л. 1, 1 об.].

К сожалению, остается невыясненным, довелось ли Петру Яковлевичу преподавать в Речицах в буквальном смысле, или же в этот период занятия еще не начались. В пользу последнего говорит отчет следующего за Овчинниковым речицкого преподавателя, командированного сюда Строгановским училищем – Викентия Трофимова, где дата начала занятий указывается как 10 января 1901 г.

Проработал Петр Овчинников заведующим Речицким филиалом недолго – менее двух месяцев и на обороте свидетельства о командировании его в Гжель, приведенного выше, стоит пометка с подписью Н. В. Глобы следующего содержания:

«С 1 декабря 1900 года переведен в филиальное отделение Строгановского училища в Сергиевом Посаде».

Причины перевода Петра Яковлевича в Сергиев Посад остаются неизвестными. В деле даже нет обычного в таких случаях «покорнейшего прощения» самого ученого рисо-

вальщика, которое могло бы пролить свет на эти причины. Может быть, основанием для такого решения была его «не керамическая» специализация в училище, но, с другой стороны, сменивший его Викентий Трофимов также окончил Строгановку по «орнаментальному» делу. Следует отметить, что Трофимов был включен в состав керамистов Строгановской школы в монографии П. Н. Исаева, а Овчинников – нет [16, с. 92]. Так или иначе, с декабря 1900 г. Петр Яковлевич покидает Речицкий филиал. Про дальнейшую судьбу Овчинникова известно лишь то, что дослужившись до чина титулярного советника, он, будучи совсем молодым 31-летним человеком, оставляет в 1910 г. службу «по семейным обстоятельствам» [39, л. б/н].

Викентий Павлович Трофимов

Викентий Павлович Трофимов был однокурсником Петра Яковлевича Овчинникова. Оба они окончили полный курс Строгановки в один год и оба – «по орнаментальному делу». В 1899 г. выпуск был очень маленьким – училище выпустило всего восемь человек, среди которых и были будущие «специально командированные ученые рисовальщики». Но, как уже отмечалось, Петру Овчинникову преподавать в Гжели скорее всего не довелось, а вот деятельность Викентия Трофимова в Речицком филиале Строгановского училища тесно связана с началом регулярных занятий. Документально подтвержденное время его работы в Гжельском керамическом районе охватывает период с декабря 1900 г. по сентябрь 1903 г., когда он переходит на службу в г. Суджа Курской губернии [24].

О начале работы Трофимова в филиале свидетельствует следующий документ: *«Его Превосходительству
господину Директору Строгановскаго училища
ученаго рисовальщика Викентия Павлова Трофимова
Прошение.*

Прилагая при сем диплом на звание ученаго рисовальщика за № 1089, метрическое свидетельство за № 3935, свидетельство о приписке к призывному участку г. Тары за № 335, свидетельство о благонадежности и паспорт № 168, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство об определении меня на государственную службу по Строгановскому училищу с откомандированием в филиальное от-

деление сего училища в село Речицы Бронницкаго уезда Московской губернии.

25 ноября 1900 года

Ученый рисовальщик Викентий Павлов Трофимов» [24, л. 2].

В монографии П. Н. Исаева указывается, что Трофимов начал работать в Гжели в 1901 году [16, с. 92]. Однако представленное выше прошение, а также документы, касающиеся периода работы в филиале П. Я. Овчинникова, свидетельствуют о том, что В. П. Трофимов приступил к работе в Гжели с декабря, а возможно даже и с конца ноября 1900 г.

Кроме того, П.Н. Исаев отмечает, что Трофимов покинул Гжель в 1904 году. Этого нельзя исключить, поскольку следующий за В. Трофимовым ученый рисовальщик, назначенный в Речицкий филиал – П. Г. Смирнов – по имеющимся данным приступил к работе именно в 1904 г.

Про Викентия Павловича Трофимова известно довольно много, во всяком случае, больше, чем про любого из его коллег по Речицкому филиалу. Происхождение его, как и предшественника, было крестьянским. Родился В. Трофимов на Урале в 1878 г.:

«Свидетельство о рождении, что по метрической книге Екатеринбургской епархии Петропавловской церкви Талицкого завода Камышловскаго уезда за 1878 год под № 71 записан акт следующего содержания: 1878 года 1 ноября родился, а 5 ноября крестился Викентий. Родители его Тюменскаго округа Червишенской волости, Успенскаго завода крестьяне Павел Иванов Трофимов и законная жена его Матрона Семенова, оба православнаго вероисповедания» [24, л. 11].

Ко времени поступления Викентия в Строгановское училище его семейство переехало в город Тару

«Крестьянин», надглазурная роспись, вторая половина XIX в., дер. Новохаритоново, заводы Кузнецова

Тобольской губернии. Материальное положение семьи окрепло настолько, что ее глава перешел в купеческое сословие и стал купцом 2-й гильдии, получив при этом все соответствующие новому статусу права. В частности, право проживания в любом уголке России, подкрепленное соответствующим свидетельством:

«Свидетельство.

Дано сие свидетельство, заменяющее паспорт, купцу 2-й гильдии Павле Иванову Трофимову в том, что он на 1893 год объявил купеческий капитал второй гильдии по городу Таре <...> имеет право проживать по сему свидетельству по всей Российской Империи» [24, л. 3].

Став купцом, Павел Трофимов мог себе позволить дать детям хорошее образование. А было их у него восемь душ. Кстати, выпускником Строгановского училища, помимо Викентия, стал впоследствии и один из его братьев – Константин. Новоиспеченная купчиха Матрона Семенова Трофимова, вероятно, разделяла соображения главы семейства относительно важности хорошего образования, и, судя по всему, принимала деятельное участие в судьбе детей. Во всяком случае, именно она, а не муж, поехала с юным Викентием в Москву определять его в знаменитую Строгановку. Это следует из того, что прошение о зачислении написано Матроной Трофимовой, и именно она обязалась совершать необходимые платежи:

«Господину директору Строгановскаго Центрального Училища технического рисования.

От жены Тарского купца 2-й гильдии Павла Иванова Трофимова г. Тара Тобольской губернии Матроны Семеновой.

Прошение.

<...> Прошу покорнейше о принятии моего сына Викентия Павлова Трофимова в число учеников Строгановскаго центрального училища технического рисования.

Установленную плату за учебные материалы вносить обязуюсь» [24, л. 1].

В числе необходимых для зачисления в училище документов должно было быть свидетельство о начальном образовании. Такое у Викентия Трофимова, конечно же, имелось. При взгляде на свидетельство становится ясно, насколько «абитуриент» был расположен к дальнейшему образованию в гуманитарной и художественной сферах. Соотношение оценок говорит само за себя:

«Свидетельство.

Ученика Тарского уездного училища Трофимова Викентия, сына купца г. Тары Тобольской губернии.

Закон Божий – хорошо.

Русский язык – хорошо.

Арифметика, геометрия, история, география – удовлетворительно.

Числописание – отлично.

Черчение и рисование – отлично» [24, л. 4].

Итак, в 1892 г., будучи почти 14-ти лет отроду, Викентий Трофимов поступил в Строгановское училище. В деле не сохранился диплом об окончании, и неизвестно, насколько успешно он учился, но можно предположить, что вполне успешно. Об этом свидетельствует тот факт, что Трофимов, как и его однокашник Овчинников, сразу по окончании училища начинает преподавательскую деятельность на вечерних классах, открытых при Строгановке. Там он работал чуть больше года, до перевода в Гжель в конце 1900 года.

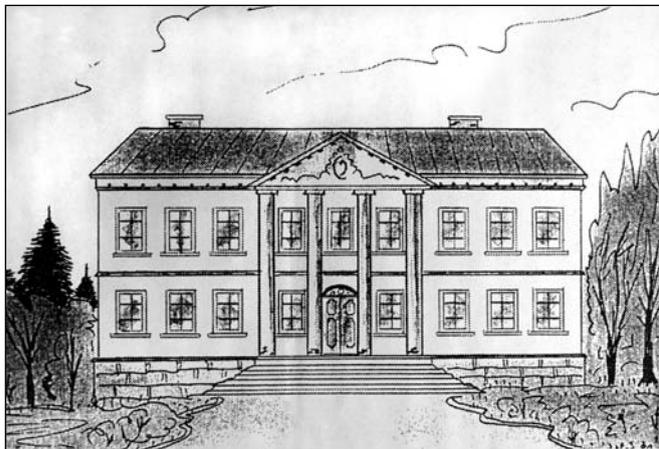
Условия работы филиального отделения в Гжели были следующими. Строгановское училище присылало заведующего филиалом (ученого рисовальщика) и оплачивало его труд в размере 600 рублей в год. Все остальные траты ложились на местные власти в лице земской управы. Управа обеспечивала филиал учебными пособиями, расходными материалами, мебелью, а также предоставляла помещение для занятий и квартиру для заведующего.

Председателем земской управы в то время был А. А. Пушкин, внук великого поэта. Воспоминания современников сохранили образ обаятельного, энергичного и деятельного человека, мягкого, деликатного с окружающими людьми, но непреклонно твердого с чиновниками, когда дело касалось общественных нужд.

Известно, что Александр Александрович окончил Па-

Председатель Бронницкой Земской Управы А. А. Пушкин (внук поэта)

Дом А. А. Пушкина в окрестностях г. Бронницы

жеский корпус, служил в драгунском полку, вышел в отставку из-за слабого здоровья, поселился в имении Ивановском в двадцати верстах от Бронниц, и вся его дальнейшая деятельность связана с гжельским краем.

Памятник А. А. Пушкину в г. Бронницы

Он был председателем земской управы, попечителем местных школ, учредителем бесплатной библиотеки в Бронницах. Этот слабый здоровьем человек сделал очень многое для местного просвещения и здравоохранения, для развития крестьянских хозяйств.

Александр Пушкин был попечителем пяти училищ, создателем новых школ, гимназий, дал путевку в жизнь новой больнице в Бронницах и сельской лечебнице, построенной на средства писателя Н. Д. Телешова. По его инициативе в 1909 г. был построен и первый в

России земский санаторий для больных туберкулезом в гжельской деревне Коняшино [15, с. 69-71].

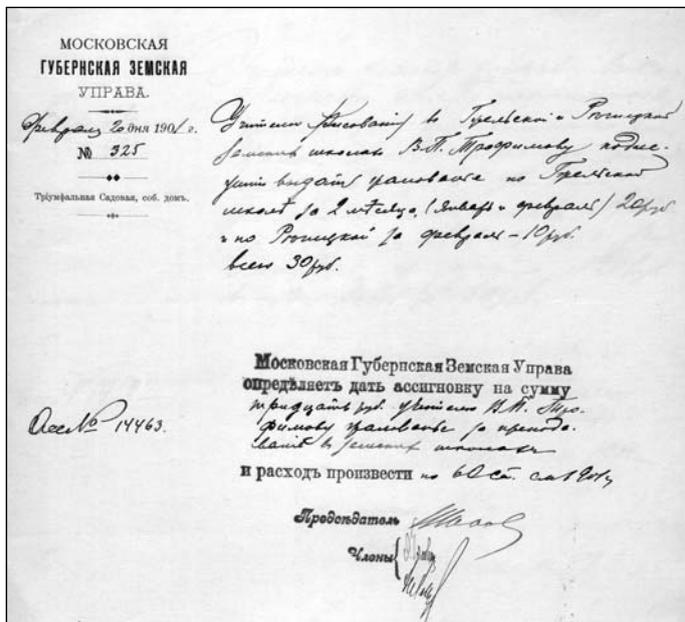
Кроме Строгановского филиала в гжельских селах в это время существовали обычные земские школы, открывавшиеся повсеместно в результате знаменитой Земской реформы в 70-х и 80-х гг. XIX в. Такие школы были в самой Гжели, в Речицах, а также в Турыгино. Про Турыгинское земское начальное училище, открытое в 1873 г., уже упоминалось ранее. В Турыгинском училище преподавалось рисование, что было редкостью для того времени.

На рубеже XIX и XX веков обучение ремеслу в земских школах начало распространяться повсеместно и Бронницкая земская управа стала одним из лидеров в этом процессе. Главный журнал «Министерства народного образования» отмечал роль Бронницкого земства в деле развития ремесленного образования: *«Ремесла – рисование, огородничество, пчеловодство и садоводство преподаются в виде исключения. По данным 1901 – 2 г. Ремесла (столярное, токарное и переплетное) преподавались в 11 школах, огородничество, садоводство и пчеловодство в 36. По тем же данным рисование и черчение преподавалось лишь в 8 школах. Кроме того, губернское ведомство содержит классы рисования при Гжельской и Речицкой школах (промышленный район) Бронницкого уезда, на что ассигнует 1 200 рублей в год.*

Конечно, обучение ремеслам, рисованию и черчению <...> весьма желательно; однако нельзя не признать, что соединение его с обучением предметам училищной программы весьма затруднительно, чем,

Журнал министерства народного образования

Отчет Московской Губернской Земской Управы за февраль 1901 г.

главным образом, и объясняется малое развитие такого обучения. <...>

За обучение в школах земством никакой платы не взимается» [1, с. 27].

Учителем рисования в Гжелской и Речицкой школах был Викентий Трофимов. Земская управа нанимала его для своих, как сейчас бы сказали «общеобразовательных» школ.

На бланке Московской губернской управы Трофимовым было получено письмо следующего содержания:

«16 февраля 1901 года.

Г-ну учителю рисования

В. П. Трофимову.

Губернская Управа имеет честь уведомить Вас, что 2-н инспектор народных училищ допустил Вас к исполнению обязанностей учителя рисования в Гжелской и Речицкой школах Бронницкаго уезда» [26, л. 5].

За преподавание в каждой школе молодой преподаватель получал по 10 рублей ежемесячно. Сохранился отчет Московской губернской управы следующего содержания:

На бланке Московской губернской управы.

«Февраля 20 дня 1901 года.

Учителю рисования в Гжельской и Речицкой земских школах В. П. Трофимову подлежит выдать жалованье по Гжельской школе за 2 месяца (январь и февраль) 20 руб. и по Речицкой за февраль – 10 руб.

Всего 30 руб.

Московская Губернская Земская Управа опередляет дать ассигновку на сумму тридцать руб. учителю В. П. Трофимову жалование за преподавание в земских школах. И расход произвести по 60 ст. 1901 г.

Подписи: Председатель, члень» [26, л. 6].

Таким образом, с самого начала своей педагогической деятельности Викентий Трофимов стал весьма востребованным специалистом и его заработок в целом составлял 70 рублей в месяц. Для сравнения: средняя месячная зарплата рабочего в Московской губернии в 80-х гг. XIX в. составляла около 12 рублей, в начале XX в. – 20 рублей [17, с. 308-330].

15

КОНТРОЛЬ. Счетъ
денегамъ (50р.) ввѣдѣннымъ мною изъ
Московск. губернска. управл. въ январѣ 1901.

За попис. рисовальнаго класса съ 1 ^{го} января по 1 ^{го} февраля	2	47 руб. 50 коп.
За отопленіе рисов. кл. съ 10 ^{го} по 10 ^{го} февраля	10	
За квартиру (ушиемъ) и отопле- ніе ея съ 14 ^{го} января по 14 февраля	8	50
За попис. рисов. кл. по 1 ^{го} марта	6	
За отопленіе его по 10 ^{го} марта	7	
За квартиру чр. и отопленіе ея по 14 марта	8	
За пописки въ Сербск	5	55
Всего	47р.	50.
За попис. рисов. кл. по 1 ^{го} апреля и за отопленіе его по 10 ^{го} апреля	10	50
(За квартиру брѣв. за отопленіемъ 4р. 50к)		

Отчет В. П. Трофимова о потраченных средствах

Правда и служебные обязанности Трофимова не ограничивались преподаванием. Ему приходилось выполнять большой объем организационно-хозяйственных работ, быть подотчетным лицом, заниматься наймом помещения для классов и для собственного проживания, оплачивать счета за аренду и отопление, ездить в командировки и т.д. Земская управа вполне доверяла молодому учителю. В архиве имеются документы, согласно которым он получал на хозяйственные расходы определенные суммы «под отчет», отчитывался по ним, ему выдавали очередные суммы, и часто большие, чем прежде.

Каждый месяц В. Трофимов расплачивался за помещения, отопление, собирал расписки в получении денег и отправлял их в губернскую управу. Кстати, благодаря этим самым распискам, в большом количестве сохранившимся в архивах, сохранились имена тех, кто предоставлял свои дома для работы филиала. В частности:

«Расписка в получении денег.

Деньги за помещение рисовального класса (2 руб.) по 01 февраля 1901 года и за отопление его 10 руб. по 10 февраля 1901 года получил.

Никита Антонов Фортальнов» [26, л. 17].

«Деньги за квартиру и отопление ее по 14 апреля 8 рублей получил.

Василий Марков Семов» [26, л. 24].

Ниже приведены списки учеников Речицких рисовальных классов. В числе прочих указаны Серафима Семова и Ксения Фортальнова – дочери хозяев арендуемых помещений.

В мае Викентий Павлович отправляет в Строгановское училище отчет о работе Речицкого филиала за 1900/1901 учебный год. Этот документ приводится полностью:

«Отчет

Императорского Строгановского Центрального Художественно-Промышленного Училища о деятельности рисовального класса в с. Речицах, Московской губ., Бронницкого уезда, за 1900/1901 учебный год.

10 декабря 1900 года было нанято помещение для рисовального класса и заказана для него мебель – 12 складных столиков и столько же табуретов по образцам, взятым из Строгановского Училища.

В отчетном учебном году учение началось 10 января и продолжилось до 1 мая 1901 года.

Учащихся было:

посещавших класс ежедневно – 8 чел.
посещавших класс неправильно – 5 чел.

Итого – 13 чел.

Шесть человек из тринадцати занимались элементарным рисованием до конца учебного года; остальные же семь, месяца через два после начала учения, допущены к композиции гончарной посуды, как более подготовленные в Земском Училище.

Израсходовано на содержание рисовального класса за 1900/1901 учебный год:

Императорским Строгановским Училищем: на жалованье преподавателю	450 р.
Московской Губернской Земской Управой: на устройство класса и рисовальные принадлежности	97 р. 63 к.
итога	547 р. 63 к.

Директор Императорского Строгановского Училища
Е. Ноаковский

Преподаватель рисования в с. Речицах
В. Трофимов» [26, л. 42].

Сразу же после написания этого отчета Викентий Трофимов отправился в отпуск почти на три месяца.

«Свидетельство.

Дано сие от Императорского Строгановского Центрального художественного промышленного училища штатному преподавателю вечерних классов сего училища ученому рисовальщику Викентию Павловичу Трофимову в удостоверение того, что он, Трофимов уволен в отпуск на каникулярное время от сего числа впредь до 1 сентября сего года во все города и селения Российской Империи.

Директор Н. В. Глоба
1 мая по 15 августа 1901 года» [24, л. 31].

В дальнейшем такие отпуска предоставлялись ему еще минимум два раза, до 1903 г. включительно, когда началась переписка с Торговой школой (г. Суджа Курской губернии) о переводе туда В. Трофимова. Надо отметить, что работая в Гжели, Викентий Павлович выполнял заказы для ковровой земской мастерской г. Суджи. Согласно исследованиям П. Н. Исаева, это сотрудничество началось в 1904 г., однако, по нашему предположению, дата должна быть изменена на более раннюю.

Скульптура «Царевна с зеркалом»,
Гжель, 1910-е гг.

Первое официальное письмо, отправленное в адрес директора Строгановского училища как непосредственного руководителя В. П. Трофимова, датировано 20 августа 1903 г. В нем спрашивалось, не видит ли г-н директор препятствий в переходе «ученого рисовальщика» Трофимова на должность учителя рисования в Курскую губернию. Очевидно, что такого рода письмо могло быть написано лишь после личных переговоров с самим Викентием Павловичем. Это дает основания предполагать, что Трофимов в это время уже сотрудничал с Судженским земством и успел зарекомендовать себя с

положительной стороны.

Ответ последовал довольно быстро:

«Господину инспектору судженской четырехклассной торговой школы <...>»

На Ваше письмо <...> отвечаю, что со своей стороны препятствий не встречается <...>

Директор Н. В. Глоба» [24, л. 37].

Вероятно, В. Трофимов медлил с отъездом, так как завершается переписка довольно забавной телеграммой, отправленной из Суджи директору Строгановки. Текст воспроизводится с точностью до буквы:

Тарелка, Гжель, завод Храпунова-Нового,
нач. XX в.

«Директору Глобе

Сообщит когда приедет Трофим желат скорее» [24, л. 41].

Как уже говорилось, точная дата окончания преподавательской деятельности Викентия Павловича Трофимова в Гжели неизвестна. Приводимые ниже документы, относящиеся к осени 1903 г., дают основания полагать, что прекращение деятельности В. Трофимова в Речицах скорее всего произошло в октябре. Можно даже предположить точную дату – 20 октября, до которой была оплачена его квартира.

Итак, в «Деле Московской Губернской Земской Управы о «классах технического рисования» – за 1903 г. находится расчет финансовых взаимоотношений между управой и В. П. Трофимовым:

«Штамп Московской Губернской Земской Управы.

Отдел народного образования.

октября 23 дня 1903 года.

№ 2260.

По окончании службы в Речицком филиальном отделении Строгановскаго училища В. П. Трофимовым представлен отчет по расходу выданного ему аванса. Расход выражается в сумме 58 р. 28 к. по указанным им статьям аванса <...>. сверх того, ему причитается жалование за октябрь сего года в размере 20 руб.»[8, л. 27].

Следующим листом идет тот самый отчет Трофимова по «расходу выданного аванса», написанный им собственноручно. «В Московскую Губернскую Земскую Управу.

1. За помещение рисовальных классов с 1 сент. 1903 г. по 1 дек. 1903 г.	30 руб.
2. Квартира преподавателя рисования с 14 августа по 14 сентября 1903 года.	8 руб.
3. Квартира преподавателя рисования с 14 сентября по 14 октября 1903 года.	8 руб.
4. Квартира преподавателя рисования с 14 октября по 20 октября 1903 года.	1 р. 60 коп.
5. Поездка в Москву по поводу поправки столиков в филиальном отделении Строгановскаго училища	7 р. 20 коп.
6. Картон для столиков	60 коп.
7. Материалы для рисования	1 р. 38 коп.
9. Поездки в Гжель	1 р. 50 коп.

Итого 58 р. 28 коп.

23 октября 1903 г. В. Трофимов» [8, л. 28].

Здесь же расшифрован пункт 7 «материалы для рисова-

ния». Как известно, в обязанности заведующего филиалом входили снабженческие функции и Викентий Павлович, приезжая в Москву, делал закупки средств обучения в Строгановском училище.

Одна из квитанций, подтверждающих это, – судя по всему, последняя – выглядела так:

«Отчет в Филеальное отделение в селе Речицы.

Отпущено 7 тетрадей рисов. мал. формата 49 коп.

Апрейторовских красок на 53 коп.

Дюжина свинцовых карандашей № 3 36 коп.

Всего 1 р. 38 коп.

Деньги получил сполна

29/IX 1903 за заведующего складом А. Николаев» [8, л. 30].

Когда все формальности, связанные с переводом Трофимова, были завершены, осталось передать кому-нибудь на хранение имущество, принадлежащее рисовальным классам. Его было немного: столики, табуреты и искусственные цветы. Интересно отметить на примере этих столиков как строго велась отчетность по материальным ценностям, и как бережно относились ученики и педагоги к казенному имуществу. Впервые столики для рисования и табуреты к ним упоминались в отчете В. П. Трофимова в 1901 г., где указывалось, что еще в декабре 1900 г. из Строгановского училища был привезен единственный комплект столика с табуретом для изготовления земской управой по представленному образцу еще 12 таких комплектов. Земская управа с задачей справилась, и в классах появилась мебель в количестве 13 рабочих мест. Незадолго до своего увольнения Викентий Павлович едет в Москву «для поправки столиков». То есть, за три года ежедневных занятий столики потребовали ремонта. Теперь же, при увольнении мебель следовало сдать ответственному лицу. Таким лицом стал учитель местной школы Столяров, который и написал следующую расписку:

«Принято на хранение

Столиков для рисования 13 (12 земских и 1 Струг. учил.)

Табуретов 13 (12 земских и 1 Струг. учил.)

Искусственных цветов 79 шт.

Учитель Речицкой Земской школы

К. Столяров.

1903 года октября 18 дня» [8, л. 31].

Довольно забавно в расписке отмечается, что по-прежнему

один комплект мебели принадлежал филиалу, а оставшиеся 12 – земской управе.

Переданное на хранение имущество позволяет также утверждать, что главное внимание на уроках рисования уделялось изображению цветов, орнаментам. Это соответствовало образованию Трофимова и назначению будущих выпускников филиала.

Таким образом, с октября 1903 г. В. П. Трофимов перестает преподавать в Речицах. Кто заведывал филиалом с этого времени и до сентября 1904 г., когда сюда был направлен Павел Смирнов, остается невыясненным. Возможно даже, что в работе филиала был вынужденный перерыв.

Дальнейшая судьба Трофимова, в отличие от многих других гжельских художников, мастеров и преподавателей, достаточно хорошо известна. Яркий и самобытный художник оставил значительный след и в Курской губернии. Интересна оценка его работы по изготовлению ковровых рисунков, сделанная во второй половине XX века М. С. Степановым. Следуя господствовавшей в то время тенденции умаления значения «буржуазного» искусства М. С. Степанов отмечает, что эскизы Трофимова, изготовленные в стиле модерн, носили ярко выраженный «декадентский» характер. Его (Трофимова) сотрудничество с Суджанской школой ткачества первоначально не имело успеха, так как большинство заказчиков выбирало «местные», традиционные рисунки. В 1904 г. по рисункам молодого специалиста не было продано ни одного ковра. Но, вероятно, среди руководителей торговой школы и мастерской были хорошие, как бы сегодня сказали, маркетологи, внимательно присматривающиеся к общим направлениям развития искусства и потребительских предпочтений. И они оказались правы в своем выборе, так как в 1906 г. удалось продать уже два «трофимовских» ковра, а еще через два года – в 1908 г. – из 36 изделий только 4 ковра были вытканы по местным рисункам. М. С. Степанов отмечает: *«Это было не единичное явление. О связи работ Трофимова с общим направлением буржуазного искусства того времени свидетельствует тот факт, что художественное направление ковровой мастерской получило одобрение на юбилейной выставке Маршинской практической школы в Петербурге в 1909 г. Там ковры Суджанской земской мастерской привлекли внимание организаторов выставки и эстетствующей части посетителей. За ковры, сделанные в новом стиле модерн, уездная управа и*

Троице-Сергиева Лавра. Нач. XX в.

мастерская получила диплом в память об участии в выставке, т.к. посетители выставки восхищались как прекрасным исполнением ковров, так и прекрасным выбором и изяществом в подборе красок» [44, с. 185].

После работы в г. Судже В. П. Трофимов преподавал в филиале Строгановского училища в Сергиевом Посаде Московской губернии (с 1909 по 1911 гг.). Затем в Воронежской художественной мастерской им. С. Н. Коломенкина (с 1912 по 1920 гг.). В начале 20-х годов создал серию картин, изображающих старый Воронеж и строительство кораблей на Петровских адмиралтейских верфях. В 1924 г. переехал в Омск, где преподавал в художественном техникуме им. М. А. Врубеля, заведовал живописным отделом. Руководил филиалом общества «Новая Сибирь», написал серию живописных работ, посвященных Сибири. Исполнил серию этюдов сибирского курорта «Боровое», расписывал интерьеры общественных зданий. В 1932 г. приехал в Москву. Оформил плафон парадной лестницы в Доме Советской Армии в Архангельском, плафоны Белого зала Моссовета и плафоны ГНИМА им. А. В. Щусева. Ему же принадлежит роспись в Доме Наркомтяжпрома в г. Сочи. В конце 30-х годов переехал в г. Загорск, где вместе с сыном работал над реставрацией Троице-Сергиевой Лавры. Игнатий Викентьевич Трофимов, являясь научным руководителем реставрационных работ и главным архитектором, разработал генеральный план реставрации Лавры.

Он делал художественные реконструкции отдельных памятников Лавры (акварели на основе исторических описаний и чертежей), в том числе: «Духовская церковь и Троицкий собор», «Больничные палаты с церковью Зосимы и Савватия», «Трапезная». Художник продолжал работать в области станковой живописи и прикладного искусства. Умер Викентий Павлович Трофимов 10 февраля 1956 г. в г. Загорске [16, с. 93].

Павел Григорьевич Смирнов

В 1904 г. в Речицы приехал ученый рисовальщик Павел Григорьевич Смирнов. Он заведовал Строгановским филиалом дольше всех своих предшественников – целых 12 лет, вплоть до 1916 г., когда, по имеющимся сведениям, филиал был закрыт.

Родился Павел Смирнов в 1876 г., о чем «<...> в метрической книге Московской Преображенской во Спасской церкви тысяча восемьсот семьдесят шестого года за № 151 писано: декабря девятого дня родился Павел, крещен двенадцатого. Родители его: личный почетный гражданин из духовного звания Григорий Иванов Смирнов и законная жена его Елизавета Петрова, оба православного вероисповедания»[23, л. 4].

Григорий Иванович Смирнов, «сын пономаря Вознесенской Муравьевской церкви Черновскаго уезда Новгородской Епархии Ивана Семенова Смирнова», как видно из метрической выписи, был личным почетным гражданином [23, л. 7]. В свое время и Павел Григорьевич Смирнов будет удостоен такого звания.

Звание почетного гражданина появилось в Российской Империи в 1832 г. в период царствования Императора Николая I. Сословие представляло собой тонкую прослойку между дворянством и купечеством, с помощью которого правительство пыталось решить извечную проблему – охранить благородное российское дворянство от проникновения чужеродных элементов, и в то же время поддержать и поощрить торгово-промышленный слой, удовлетворяя их амбиции и стимулируя торгово-предпринимательскую и благотворительную деятельность наиболее ярких его представителей.

Почётное гражданство было двух родов: личное, распространявшееся только на данное лицо и его жену, и потомственное, принадлежавшее всем нисходящим членам семьи. Как то, так и другое приобреталось тройким способом:

- по праву рождения или усыновления;
- путем просьбы о причислении к почётному гражданству;
- путем причисления по особым представлениям соответствующих министров.

Награждение званием личного почётного гражданина могло быть испрашиваемо лицам всех сословий за оказанную ими на общественных поприщах полезную деятельность, продолжавшуюся не менее 10 лет; звание же потомственного почётного гражданина могло испрашиваться лицам, состоявшим не менее 10 лет на тех же поприщах в звании личного почётного гражданина.

Особые права и преимущества почётного гражданина заключались в свободе от рекрутской повинности, от подушного оклада, от телесного наказания, в праве именоваться во всех актах почётным гражданством, а также участвовать в выборах по недвижимой в городе собственности и быть избираемыми в городские общественные должности.

Павел Смирнов был чуть старше Петра Овчинникова и Викентия Трофимова, а вот Строгановское училище окончил позже их – в 1903 или в 1904 г. По документам можно установить дату его поступления. В деле П. Г. Смирнова сохранились два практически одинаковых заявления его отца – «личного почетного гражданина» Григория Ивановича Смирнова – о приеме в училище, но написанных с промежутком в два года. Первое датировано 10 августа 1890 г., когда Павлу было 13 лет, а второе – 16 июля 1892 г. [23, л. 5]. Отсюда можно сделать вывод, что в 1890 г. Павел Смирнов в училище не поступил. Что же касается 1892 г., то поступление, скорее всего, состоялось, но Павел Григорьевич стал все же не учеником, а так называемым «любителем рисования». Статус в Строгановском училище совершенно официальный, но, в отличие от «штатного ученика», означающий нечто вроде «вольного слушателя». В этом качестве он обучался некоторое время, однако в какой-то момент перешел в разряд «штатных учеников», в котором и закончил обучение, получив звание ученого рисовальщика. Когда совершился этот переход, остается невыясненным. П. Н. Исаев приводит такую структуру обучения П. Г. Смирнова: «... с 1892 г. по 1895(?) – любитель рисования, с 1895(?) по 1904 г. – штатный ученик» [16, с. 93]. Надо сказать, что перевод из любителя рисования в штатные ученики был обстоятельством весьма значимым, и все учащиеся стремились к этому. Будет уместно поставить под сомнения выводы П. Н. Исаева, сделанные относительно периода нахождения Смирнова в статусе «штатный ученик». Дело в том, что в архиве сохранился документ, который неопровержимо доказывает, что П. Г. Смирнов в

1901 г числился «любителем рисования». Это прошение о допуске к экзаменам вместе с основным потоком «штатных учеников», возможно, с целью войти в их ряды:

*«Его Превосходительству Господину Директору
Императорского Строгановского Центрального
Художественно-Промышленного Училища
любителя VI класса
Павла Смирнова
Прошение.*

Честь имею покорнейше просить Ваше Превосходительство дозволить мне держать выпускной экзамен с учениками VI класса по русскому языку, истории русской и всеобщей, истории искусства русского и всеобщаго, археологии, перспективе, Закону Божию за весь класс, а по остальным предметам – осенью этого года.

01 мая 1901 года.

любитель VI класса

Павел Смирнов» [23, л. 3].

В каком точно году Павел Смирнов стал штатным учеником Строгановского училища неизвестно, но в 1904 г. ему было присвоено звание ученого рисовальщика:

«Свидетельство. <...>

Выдано предъявителю сего воспитаннику училища Павлу Смирнову в удостоверение того, что он окончил полный курс художественно-промышленной школы и успешно выдержал установленные испытания и удостоен звания ученого рисовальщика.

Москва. 3 июня 1904 г.

Директор училища – Н. Глоба» [23, л. 3].

В сентябре 1904 г. ученый рисовальщик Павел Григорьевич Смирнов приступил к обязанностям преподавателя рисования и заведующего филиальным отделением Строгановского училища в селе Речицы. 20 сентября он написал официальное прошение на замещение должности, положив, таким образом, начало будущему архивному делу «*об определении преподавателем вечерних классов рисования с откомандированием в филиальное отделение училища в с. Речицы Бронницкаго уезда ученого рисовальщика Павла Смирнова*» [23, л. 1]. Простение это было точной копией простения, которое приведено в разделе, посвященном предшественнику П. Г.Смирнова на этой должности – В. П. Трофимову.

Сразу после подачи простения молодой художник получил на руки документ, без которого он не смог бы приступить к выполнению служебных обязанностей. Это было свидетельство, удостоверяющее его государственную службу с разрешением свободного проживания

в Москве и с. Речицах. Подобные документы выдавались мещанам, крестьянам, купцам. Для дворян и лиц духовного сословия такой необходимости не было. А Павел Смирнов такое свидетельство обязан был иметь:

Бланк Строгановского училища.

дата «... сентября 1904 г.»

исходящий № 1561

«Свидетельство.

Дано сие от Императорского Строгановского Центрального художественно-промышленного училища преподавателю и заведующему классами технического рисования филиального отделения названного училища в с. Речицы Бронницкого уезда Московской губернии ученому рисовальщику Павлу Григорьевичу Смирнову, родившемуся 9 декабря 1876 года, православного вероисповедания, холостому для свободного проживания в г. Москве и в с. Речицах Бронницкого уезда Московской губернии сроком на все время состояния на службе в указанном училище.

Директор Н. Глоба» [23, л. 7].

Таким образом, с сентября 1904 г. Павел Григорьевич Смирнов приступил к преподаванию в Гжели. Как и его предшественник, помимо заведывания филиалом, он преподавал рисование в Речицкой и Гжельской школах. Размер жалования за работу в этих школах составлял все те же 20 рублей в месяц:

«Бланк Московской Губернской Земской Управы.

Отдел Народного Образования.

5 августа 1905 года.

№ 1896.

Учителю Смирнову Гжельских классов подлежит выдать жалованья 20 рублей за июнь 1905 года.

<...> расход произвести по ст. 43 за 1905 год» [9, л. 38].

Таких справок в деле много – почти за каждый месяц работы. Также за этот период сохранился «счет деньгам» за проезд учителя Смирнова из села Речицы, где он проживал, до села Гжель, где располагалась земская школа, а также в Москву. Расстояние между селами составляет около 10 км, а стоимость поездки туда и обратно в те годы была 50 коп.

«Счет деньгам за проезд от с. Речицы до села Гжели и обратно.

Декабрь – 5 поездок по 50 копеек.

2 р. 50 коп.

Январь – 6

3 р.

Февраль – 7

3 р. 50 коп.

Март – 9

4 р. 50 коп.

<i>Всего</i>	<i>13 р. 50 коп.</i>
<i>Проезд с рисунками на экзамены в Москву к Рождеству.</i>	
<i>От села Речицы до села Раменского</i>	
<i>и обратно</i>	<i>2р. 50 к.</i>
<i>От Раменского до Москвы</i>	<i>1 р. 20 к.</i>
<i>Итого</i>	<i>3р. 70 к.</i>
<i>Всего</i>	<i>17 р. 20 к.»</i>

(Подпись П. Г. Смирнова.) [9, л. 9].

Этот довольно любопытный документ показывает, что доехать из Речиц до Раменского и обратно, то есть преодолеть расстояние около 50 км на лошади, стоило 2 р. 50 коп. А съездить на поезде в Москву из Раменского и вернуться назад – всего 1 р. 20 коп., хотя расстояние в этом случае составляет не менее 100 км.

Петр Григорьевич Смирнов работал, таким образом, на трех работах. Во-первых, он заведовал филиалом Строгановского училища, где одновременно и преподавал, и, кроме того, преподавал рисование в двух земских школах. Занятия в Гжельской и Речицкой школе проводились по два раза в неделю в каждой, в Строгановских рисовальных классах – ежедневно по вечерам.

К 1905 г. количество учеников в филиале было чуть более двадцати. В дальнейшем эта цифра еще увеличится, но не на много. В 1914-1915 гг. классы будут посещать максимально 28 детей. Что же касается общего числа детей, проходящих художественное обучение, то благодаря отчетам П. Г. Смирнова, приводимым ниже, известно, что Речицкую школу посещало одновременно 30 детей, а Гжельскую – 90. Таким образом, общее количество школьников составляло 120 человек, и только чуть более двадцати из них обладало необходимыми данными и желанием обучаться в рисовальных классах.

Домик, Гжель, завод Храпунова-Нового, нач. XX в.

Каждые полгода работы учеников филиала отправлялись на экзамен в Строгановское училище. Формально это был отчет о работе филиала за определенный период. Зимний экзамен именовался Рождественским, весенний – Пасхальным. В приведенном выше «счете деньгам» П. Г. Смирнов отчитывался за поездку в Москву на Рождественский экзамен. В училище собирался Совет преподавателей, который определял уровень ученических работ, качество преподавания. По результатам экзамена выносилось решение о премировании наиболее отличившихся учащихся. В случае с Речицким филиалом можно утверждать, что работы учеников получали высокие оценки, так как большинство из них награждались рублевыми премиями. Более подробно об этом будет сказано ниже, когда речь пойдет о периоде 1910-1915 гг.

Приведем два отчета П. Г. Смирнова, которые он сделал в Московскую земскую губернскую управу о работе филиала Строгановского училища и земских школ в 1905 и 1906 гг.

«В Московскую Губернскую Земскую Управу.

Отчет учителя рисования Речицкой школы.

П. Смирнова.

Занятия, как и в прошлом году происходили ежедневно с 5 ч. до 7 ч. вечера. Посещали классы крестьяне села Речиц в возрасте 10 – 18 лет, человек восемнадцать, двадцать, преимущественно девочки, потому что распиской посуды занимаются женщины. Кроме того 5 – 6 человек работающих на фабрике, брали у меня рисунки на дом и рисовали в свободное время, <а> за советом и поправкой приходили ко мне на дом.

Рисование ведется применительно фарфоровому и фаянсовому делу: копируют с увражей; делают компеляцию и композицию рисунков посуды, ваз, и др. изделий из фаянса. Работы учеников, представленные на Рождественский экзамен Советом преподавателей Строгановского училища найдены хорошими, метод преподавания правильным. 11 человек удостоены денежной награды; двое – похвалы педагогического совета. На годичном Пасхальном экзамене удостоены денежной премии 20 человек.

Мною была представлена в Бронницкую Земскую Управу подробная записка об пользе и желательности открытия в Речицах мастерской. Ответ из Бронницкой Управы мною не получен.

В земских Гжельской и Речицкой школах в средних и старших отделениях преподается два раза в неделю элементарное рисование, а также начальныя сведения из геометрии, а

Члены Бронницкой городской думы в период работы Речицкого филиала

более способные рисуют с натуры домашняя вещи и слепки с прокладкой теней.

1905 г. П. Смирнов.

(Подпись подлинная, текст рукописный, но, скорее всего, написанный не Смирновым)» [30, л. 84].

Обратим внимание на предложение Павла Смирнова, касающееся строительства в селе Речицах гончарной мастерской. В дальнейшем идея открытия мастерской будет высказываться им довольно часто, но успехом эти усилия увенчаются лишь через десять лет.

Второй отчет, о работе в 1906 г.:

«Филеальное отделение в селе Речицах.

Отчет.

По примеру прошлых годов и в этом году занятия происходили ежедневно с 5-ти до 7-ми часов кроме праздничных, воскресных и подпраздничных дней, когда бывает всеобщая. Учеников было около 20 человек. <...>

Занятия были: копирование с увражей, компеляции и композиция различных изделий из фарфора и фаянса, при этом пользовались рисунками богатой библиотеки Строгановского училища, заграничными журналами и мотивами орнамента древне-русского и народного характера.

Никакие волнения на занятиях не отразились, занятия шли весь учебный год. На экзаменах в Строгановском училище за рисунки 20 человек удостоились рублевой награды.

Крайне желательно было бы открытие при школе мастерской, где бы можно было бы вырабатывать по рисункам изделия из фарфора.

Занятия в Речицкой и Гжельской школах были по 2 раза в неделю с 1 до 3 часов в Речицкой в среду и пятницу, а во Гжельской во вторник и в четверг. Проходили элементарное рисование с геометрических фигур с прокладкой теней.

Рисование с предметов домашнего обихода как-то: ведра, ковши, лампы и пр. Рисование со снимков листьев, цветов. Попутно объяснялись элементарные сведения из геометрии и также делали чертеж класса и каждый делал самостоятельно план своей избы.

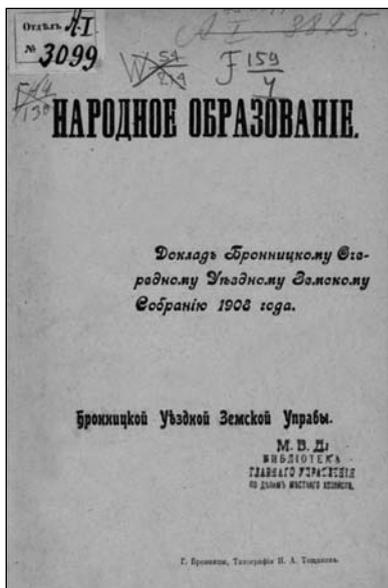
В Речицкой школе было учеников 30 человек, а во Гжельской человек 90.

П. Г. Смирнов, 3 ноября 1906 года.

(Подпись подлинная, текст рукописный, но, скорее всего, написанный не Смирновым) [31, л. 142].

Здесь более подробно описываются задания, которые П. Г. Смирнов давал ученикам земских школ. Любопытна фраза о том, что «никакие волнения» на уроках не отразились. Разумеется, речь идет о беспокойных настроениях в обществе, вызванных «революцией 1905 года».

В мае 1909 г. Павел Григорьевич Смирнов написал свое очередное письмо с предложением о создании при филиале мастерской. Это письмо было адресовано руководству Строгановского училища. Время было выбрано удачно; судя по всему, в воздухе витал дух переломных времен, увеличивались ассигнования на филиалы, расширя-

Обложка журнала Бронницкого Земства с докладами по вопросам народного образования. 1908 г.

лась их сеть. К письму Смирнова приложена подробная смета, что говорит о достаточно серьезной подготовке к проекту:

*«Его Превосходительству
господину Директору Императорского Строгановского
училища*

Докладная записка

*Зав. классами технического рисования
филиального отд. Строгановского училища в с. Речицы
Московской губ. Бронницкаго уезда Гжельской волости
Павла Григорьевича Смирнова.*

Обращаясь к Вашему Превосходительству о желательности открытия в с. Речицы при классах рисования образцовой гончарной мастерской. Гжельский район, обнимающий до 25 деревень гжельской волости Бронницкаго уезда и Карповской Богородскаго уезда, более 100 лет славится своей фарфоровой и фаянсовой посудой, поставляя на всю Европейскую Россию и Сибирь необходимые в каждом хозяйстве самые разнообразные сорта ея. Но гжельский фабрикат далеко не отличается высоким качеством. Формы изделия тяжелы, грубы, сервизные вещи не ровны, раскраска лубочная. Поэтому гжельская посуда не может конкурировать с посудой фабрик Кузнецова, Корнилова и др., у которых посуда лучше, художественнее, благодаря более художественно подготовленным мастерам. Между тем выделка посуды – единственный промысел, поддерживающий благосостояние населения, с падением котораго Гжельский район должен обнищать. Правда, благодаря существующим классам, население имеет возможность знакомиться с рисунками лучших образцов, как заграничной, так и русской художественной посуды, из богатой библиотеки Строгановскаго училища; но, являясь полезным учреждением, классы, за неимением мастерских, где можно было бы выделывать художественную посуду, мало оказывают влияния на рутинную, рыночную выделку местной посуды.

Западно-европейское гончарное дело при оживленной деятельности технического и художественнаго персонала тамошних заводов - образованно.

Обилие художественных и профессиональных школ, музеев, специальных органов печати, является резким контрастом нашему рыночному промыслу, не сохраняющему и русский самобытный, столь ценимый и теперь за границей русский характер. Для поднятия производства, а вместе с

ним и благосостояние жителей местного района, нахожусь нужным доложить Вашему Превосходительству, о необходимости открыть в с. Речицы гончарной мастерской, где технические и художественные знания преподавались бы в непосредственном применении в практике мастера, ко всем его манипуляциям в процессе работы.

Подобное ходатайство мною было обращено в Бронницкую Земскую Управу, на что Бронницкая Земская Управа в докладе своем высказала, что, по ее мнению, открытие гончарной мастерской в с. Речицы, несомненно, подняло бы в Гжельском районе кустарное производство. Я обращаюсь к Вашему Превосходительству, не найдете ли Вы удобным исходатайствовать перед Министром Финансов об открытии мастерской под художественным контролем Императорского Строгановского Училища, т. к. мастерская, открытая в местности, более ста лет занимающейся выделкой для всей России посуды, имеет более, чем местное значения.

Смета мастерской.

Единовременные затраты.

№№	Наименование	Сумма
1.	Земля под мастерскую	1000 р.
2.	На сооружение мастерской	2000 р.
3.	На оборудование мастерской (жернова, круги точильные, мебель)	420 р.
4.	На непредвиденные расходы	150 р.
5.	На постройку горна	800 р.
6.	На постройку двух муфельей (утильный и для обжига)	300 р.
	Итого	4670 р.

Ежегодные затраты.

№№	Наименование	Сумма
1.	Дрова	900 р.
2.	Масса (глина, глазурь, размолка, ее обработка)	500 р.
3.	Гипс, алебастр для форм	120 р.
4.	Капсюли	50 р.
5.	Краски, кистья, пульверизаторы	270 р.
6.	Доставка (глина, дрова, материалы)	250 р.
7.	Художественные пособия (журналы, образцы, рисунки)	250 р.
8.	Освещение	70 р.
9.	Зав. Мастерской	1200 р.

10. Квартирны Зав.	180 р.
11. Скульптор-модельщик	960 р.
12. Квартира скульптора	180 р.
13. Горновщик, точильщик	480 р.
14. Сторож, чернорабочий	180 р.
15. Награды ученикам и мастерам	300 р.
16/ На непредвиденныя расходы	150 р.
	Итого 6040 р.

Зав. классами технического рисования в с. Речицы Московской губ. Бронницкаго уезда Гжельской волости Павел Григорьевич Смирнов, 10 мая 1909 г.» [47, л. 187 – 188].

Ровно через три дня Павел Смирнов пишет дополнение к этому письму, где почти в 6 раз увеличивает смету предполагаемых единовременных расходов на строительство мастерской [47, л. 185]. Что явилось причиной такого кардинального изменения стоимости работ, остается невыясненным. Маловероятно, чтобы в первом письме при подсчетах были допущены столь серьезные ошибки. Можно лишь предположить, что когда первое письмо было получено адресатом, то он как опытный администратор посоветовал молодому руководителю Речицкого филиала закладывать в смету значительно большие суммы, чтобы строительство действительно состоялось. Однако вопрос о строительстве образцовой гончарной мастерской решен не был, возможно потому, что в описываемый период начался процесс реструктуризации всех филиальных отделений Строгановского училища.

На этапе создания филиальные отделения Строгановского училища именовались *«рисовальными классами»*, или *«классами технического рисования»*, обучение в которых велось по различным схемам. На рубеже 1909-1910 гг. все филиальные отделения были преобразованы в «художественно-ремесленные мастерские» с типовым Уставом и строго регламентированным порядком обучения. Устав был важнейшим документом, самым фактом своего существования утверждающим разумность организации Строгановским училищем своих филиалов в местах развития народных промыслов. Устав предполагал развитие и расширение сети филиалов, предоставлял возможность самофинансирования. Приведем текст Устава

*«Устав
художественно-ремесленной мастерской
в селе Речицы Бронницкаго уезда Московской губернии.*

1. *Художественно-ремесленная учебная мастерская в селе Речицы Бронницкого уезда Московской губернии имеет цель сообщить учащимся в ней художественные познания и технические приемы, необходимые для мастера по гончарно-керамическому делу. В случае надобности и наличности средств, может быть введено обучение и другим ремеслам по ходатайству Совета мастерских и с разрешения Министра Торговли и Промышленности.*

2. *Мастерская состоит филиальным отделением Императорского Строгановского Центрального Художественно-Промышленного училища в г. Москве и в порядке административном состоит в ведении Министерства Торговли и Промышленности по уездному делу.*

3. *Занятия в мастерской состоят в обучении рисованию, черчению и, главным образом, в практических работах по гончарно-керамическому делу. Кроме того, учащимся сообщаются сведения по гончарно-керамической технологии и истории прикладного искусства.*

4. *При мастерской могут быть открыты с разрешения Министра Торговли и Промышленности, музей и библиотека.*

5. *Программа занятий мастерской вырабатывается заведующим и представляется через Директора Строгановского училища, с его заключением, на утверждение Министра Торговли и Промышленности.*

6. *Курс обучения в мастерской продолжается четыре года. Лица, обучавшиеся в мастерской менее этого срока, но не менее двух лет, в исключительных случаях, когда окажут особые способности к изучаемому ремеслу, могут, с разрешения Совета мастерской, быть допущены к испытаниям для получения свидетельства об окончании курса.*

7. *Начало учебного года и продолжительность учебных занятий определяются Советом мастерской и представляются через Директора Строгановского училища на утверждение Министр Торговля и Промышленности.*

8. *В мастерскую принимаются лица обоего пола, имеющие познания в объеме курса не менее земской начальной школы и в возрасте не моложе 12 лет, всех сословий и вероисповеданий.*

9. *Размер платы за обучение устанавливается мастерской и утверждается учебным отделом Министерства Торговли и Промышленности.*

10. Окончившим курс мастерской выдаются свидетельства на звание подмастерья, с правом получения не ранее как через три года, звания мастера по изученным ими мастерствам, при условии представления в Совет мастерской отчета о трехлетней работе, или же о прослужении трех лет на фабриках, заводах или мастерских по художественной промышленности и по представлении от владельцев или управляющих оных соответственных удостоверений.

11. Высшее руководство учебной частью мастерской вверяется Директору Строгановскаго училища; непосредственное управление мастерской возлагается на заведующаго оною, а попечение о материальном благополучии мастерской, музея и библиотеки в случае их учреждения, поручается, при ближайшем участии заведующаго, Совету последней.

12. Совет мастерской состоит: из одного члена от Министерства Торговли и Промышленности, одного члена от Уезднаго Земства, и двух от крестьянскаго общества, избираемых сими учреждениями на четыре года и утверждаемых Министром Торговли и Промышленности. Председатель Совета избирается членами Совета из своей среды.

13. При мастерской могут быть учреждены должности почетных членов Совета. На эти должности избираются членами Совета лица, оказавшия особые услуги учебному заведению. Почетныя Члены утверждаются в должностях Министром Торговли и Промышленности и пользуются всеми правами Членов Совета.

14. На Совет мастерской возлагаются следующие обязанности:

а. Забота о средствах и благосостоянии мастерской.

б. Заведывание суммами и имуществом, принадлежащими мастерской.

в. Составление ежегодных смет.

г. Обсуждение дел, вносимых на обсуждение Совета по предложению Председателя и Членов Совета или заведывающаго мастерской.

15. Заведующий избирается Директором Строгановскаго Училища из лиц, удовлетворяющих требованиям ст. 26 Высочайшеутвержденнаго 10 июня 1902 года положения о художественно-промышленных учреждениях и допускается к исполнению обязанностей с утверждения Министра Торговли и Промышленности.

16. На обязанности заведывающего мастерской лежит надзор как за ходом преподавания, так и за порядком вверенного ему заведения и вообще за точным исполнением настоящего устава, всех распоряжений Министерства Торговли и Промышленности, Совета мастерской и Директора Строгановского училища.

17. Преподавание в мастерской ведется заведующим. В случае надобности, в помощь ему могут быть назначены преподаватели и мастера.

18. Преподаватели и мастера избираются заведующим: первые из лиц, удовлетворяющим требованиям ст. 26 Высочайшеутвержденного 10 июня 1902 года положения о художественно-промышленных учреждениях, а вторые - из лиц, известных своими познаниями и опытностью в данной специальности.

19. Избранные заведующим кандидаты на должности преподавателей и мастеров, по одобрении их Директором Строгановского училища, допускаются к исполнению обязанностей с разрешения учебного отдела.

20. Председатель и Члены Совета мастерской, а равно почетные Члены, пользуются присвоенным их должностям правами государственной службы, кроме прав на пенсию и производства в чины. Тем из сих лиц, которые не имеют права на вступление в государственную службу, присваиваются лишь мундиры, соответствующия классу должности. Они могут быть представлены к Высочайшим наградам.

21. Мастерская может принимать заказы, соответствующие учебным целям мастерской.

22. Сношения Совета мастерской и заведующаго с Министерством Торговли и Промышленности ведутся через Директора Строгановского училища.

23. Пожертвования и другия денежныя поступления составляют собственность мастерской и расходуются исключительно на ея содержание.

24. Мастерская содержится на: средства, ассигнуемые Министерством Торговли и Промышленности и Строгановским училищем, субсидии от Московскаго Губернскаго Земства и другия денежныя поступления.

25. Мастерская имеет печать с изображением своего наименования.

26. Ежегодный отчет о деятельности мастерской представляется Советом мастерской через Директора Стро-

гановского училища в Учебный Отдел Министерства Торговли и Промышленности» [46, л. 87 – 93].

Процесс преобразования рисовальных классов в художественно-ремесленные мастерские начался в конце 1909 г. и завершился весной 1910 г. В частности, Устав мастерской в с. Лигачеве Московского уезда, открытой чуть раньше Речицкой, датирован осенью 1909 г., когда Устав Речицкой

Тарелка, Гжель, завод Храпунова-Нового, нач. XX в.

мастерской находился еще на стадии утверждения. В 1910-е годы занятия, теперь уже в художественно-ремесленной мастерской в селе Речицы, посещало от 20 до 30 учеников одновременно, и количество учащихся постоянно росло.

Как известно, каждые полгода филиальные отделения должны были отчитываться перед Училищем о проделанной работе. Для этого организовывался «художественный экзамен», на который представлялись работы учащихся. Интересно, что сами учащиеся в Москву не приезжали. Их работы представлял преподаватель. Думается, что экзамен представлял собой испытание главным образом не для сельских детишек, а для заведующих филиалами, и был своеобразным отчетом о полугодовой деятельности, эффективности расходования бюджетных средств. Регулярно из канцелярии Училища на имя заведующего приходили официальные приглашения. Одно из этих приглашений, напечатанное на бланке Строгановки, только почему-то очень маленького формата, содержало в себе следующий текст:

«Декабрь 1912 г.

Господину заведующему филиальным отделением Императорского Строгановского Центрального художественно-промышленного училища в с. Речицы Бронницкого уезда Московской губернии П. Г. Смирнову.

Канцелярия Императорского Строгановского училища сим уведомляет Вас, милостивый государь, что 14 сего де-

*«Нянька с ребенком»,
фарфор, надглазурная
роспись, завод Акулиных, дер.
Новохаритоново, 1910-е гг.*

«1911 года 23 ноября.

Г-ну заведующему

филиальным отделением Императорского

Строгановского училища

в с. Речицах Бронницкого уезда

Павлу Григорьевичу Смирнову.

Канцелярия Императорского Строгановского Училища при сем имеет честь препроводить вам, М. Г., требовательную ведомость на выдачу наград, присужденных за художественные экзамены ученикам, вверенного Вам отделения для отобрания от них расписок.

Деньги можете получить лично в канцелярии училища по представлении требовательной ведомости» [47, л. 55].

Выглядела требовательная ведомость так:

«Требовательная ведомость на выдачу наград

учащимся филиального отделения в с. Речицы

при Императорском Строгановском Центральном

Художественно-Промышленном Училище,

присужденных на экзамене 11 мая и 17 декабря 1910 г.

1. Безруков Петр

2 р.

2. Безруков Георгий

1р.

кабря назначен художественный экзамен филиальных отделений училища за первую половину 1912 – 1913 уч. года к каковому сроку Вы и должны явиться с работами Ваших учеников.

Письмоводитель»

(подпись неразборчиво)

[23, л. 11].

По результатам экзаменов ученики переводились в следующий класс, а особо успешным присуждалась премия. Как правило, ее размер составлял один рубль серебром. Иногда – очень редко – два, но не больше. После экзаменов составлялись списки награжденных, затем эти списки утверждались, выделялись деньги, и, только после этого всем заведующим рассылались соответствующие письма:

3.	<i>Безруков Яков</i>	1 р.
4.	<i>Бузин Александр</i>	1 р.
5.	<i>Большеева Ксения</i>	1 р.
6.	<i>Емельянов Федор</i>	1 р.
7.	<i>Жадин Пимон</i>	1 р.
8.	<i>Жадин Федор</i>	1 р.
9.	<i>Жадин Филипп</i>	1 р.
10.	<i>Зенин Иван</i>	1 р.
11.	<i>Зазвонова Ирина</i>	2 р.
12.	<i>Корсаков Евдокия</i>	1 р.
13.	<i>Козаков Александр</i>	1 р.
14.	<i>Кошелев Александр</i>	1 р.
15.	<i>Любцова Елизавета</i>	2 р.
16.	<i>Любцов Александр</i>	1 р.
17.	<i>Мухина Анна</i>	1 р.
18.	<i>Фортальнова Ксения</i>	1 р.
19.	<i>Шамаев Григорий</i>	1 р.
20.	<i>Жадин Еремей</i>	1 р.
21.	<i>Масаев Степан</i>	1 р.
	ИТОГО	24 р.

Директор

Н. В. Глоба

“Верно” И. о. Бухгалтера

Денисова» [49, л. 20].

Ниже приводим списки учеников Речицкого филиала за разные годы обучения. Многие учащиеся носят фамилии довольно известных в гжельской округе фабрикантов и мастеров (Жадины, Фортальновы, Шамухины, Куриновы и др.), некоторые фамилии «прозвучат» позже, в период становления образования в Гжели в первые годы Советской власти (в частности, Бабохины, Монаховы).

Общий список сдававших экзамены за 1910 г.:

Безруковы Петр, Яков, Георгий и Клавдия, Бобкова Клавдия, Бабохин Иван, Большова Ксения, Емельянов Федор, Гольшеева Василиса, Бузин Александр, Жадины Пимон, Федор, Филипп и Еремей, Зенин Иван, Зоркин Петр, Зазвонова Ирина, Карпушина Анастасия, Козлов Александр, Монахов Антон, Костин Павел, Корсакова Евдокия, Козаков Александр, Кошелев Александр, Любцовы Елизавета и Александр, Масаев Степан, Микенина Евдокия, Мухины Анна, Едокия и Агафон, Попихины Василий, Николай и Мария, Тунин Николай, Семова Серафима, Фортальнова Ксения, Шамаевы Григорий и Мария, Шамухина Ироида и Александр [49, л. 22].

Экзаменационный список за 1913/1914 уч. год:

Акулова Анастасия, Бабохина Татиана (?), Гущина Алекса, Зимина Клавдия, Кошелева Ольга, Кошелева Алексан, Козаковы Аграфена и Клавдия, Маркова Алекс, Монахова Алекса, Романова Елена. Урусова Анна, Акулова Алекса, Бардусов Петр, Козлов Николай, Козаков Василий, Шабаев Сергей, Тетерников Федор, Служивов Василий, Лукашов Петр, Чурунова Антонина [49, л. 62 – 63].

Экзаменационный список за 1914/1915 уч. год:

Акулова Клавдия, Бабохина Татьяна, Гусятникова Серафима, Демидова Анна, Зинина Клавдия, Куринова Александра, Козаковы Клавдия и Александра, Маркова Александра, Попилина Зинаида. Романова Елена, Смирнова Ольга, Тетерникова Устинья, Тетеркина Федосья, Шелухина Валентина, Янина Матрена, Акулова Алек., Гориллов Иван, Забелин Виктор, Козаков Василий, Козлов Николай, Ложков Иван, Монахов Павел, Кошелев Иван, Козулицин Павел, Куринов Андрей, Тетеркин Федор, Фортальнов Василий [49, л. 74 об.].

А это последний из дошедших до нас списков учеников, датированный декабрем 1915 г.:

Акулов, Бардин, Бабохин, Гусятникова, Жадины Клавдия и Александра, Забелин, Кошелев, Козаковы М. и А., Ложкова, Мазин П., Мазин И., Мухин Василий, Корсаков, Самойлов, Тетеркин Ф., Тетеркина А., Фортальновы Петр, Василий, Клавдия, Янин [47, л. 29 об.].

Все эти годы Павел Григорьевич Смирнов не оставляет свой план по постройке в Гжели образцовой гончарной мастерской. Той самой, о которой он неоднократно писал в губернскую управу. Следует отметить, что классы технического рисования, открытые здесь на рубеже веков, предполагали в первую очередь обучение молодых людей основам рисунка и росписи применительно к керамическому производству. Что же касается самого керамического производства, то задача обучения керамическому делу имела как бы второстепенное значение. Предполагалось, по видимому, что в древнейшем керамическом районе, каким являлась Гжель, технология изготовления изделий освоена достаточно хорошо, и недостатком является лишь безвкусная, аляповатая роспись. И именно этот недостаток призваны были решить открывающиеся Строгановские классы.

В каждой деревне Гжельской волости работали или отдельные горны для обжига небольших партий гончарных изделий, или даже небольшие фабрики, изготавливающие такую

продукцию в промышленном масштабе. Таким образом, учебные работы, изготавливаемые в классах, могли обжигаться, что называется «в соседнем дворе». Однако, качество обжига было достаточно низким и есть свидетельства, что некоторые предметы, выполненные учениками филиала, отправлялись на обжиг в Москву, в керамическую мастерскую самого Строгановского училища, оборудованную по последнему слову техники, и возглавляемую мастером Е. В. Монаховым, уроженцем, кстати, с. Речицы.

«Гусь», майолика, Гжель, начало XX в.

Низкий уровень керамических изделий, поставляемых для росписи местными мастерами, невозможность филиалу самостоятельно обжигать свои изделия, технологическое отставание гжельских предприятий, все это вынуждало Павла Смирнова не оставлять попытки открытия собственной мастерской. Он продолжает отправлять свои соображения в дирекцию Училища, причем каждое сопровождается новыми подробными сметами. С течением времени обоснования необходимости создания мастерской охватывают все более широкие стороны гжельской жизни. Так в письме, написанном в январе 1914 г., Смирнов предлагает не просто построить гончарную мастерскую, а организовать целый учебный комплекс из мастерской и школы «повышенного типа», аналогов которому нет в округе, показывает целесообразность такого решения.

Заслуживает внимания упомянутый в одном из писем факт, что помещение, в котором располагалась земская школа, перестало вмещать всех учеников. Это говорит о постоянном увеличении числа учащихся и востребованности художественного образования в Гжели. Павел Смирнов отмечает:

«<...> Желательно было бы открыть мастерскую при земской школе; школа в с. Речицах не вмещается в одном здании, а пользуется не удобным для классов наемным помещением; следовательно помещение строить нужно и ввиду недостатка мест ученикам. Земля около школы есть и совместная постройка с мастерской сократила бы расход. Или же желательно построить мастерскую при школе повышенного типа, таких школ в данной местности нет, а между тем потребность в

них ощущается большая. И малоуспевающая по художественным предметам, могли бы получить хотя бы общее повышенное образование. Совместно с общеобразовательной школой открыть мастерскую желательно еще и потому, что местные крестьяне нуждаются хотя и маленьком заработке своих детей, отдавая их на фабрику по окончании школы, или же на годы в ученье со столом и одеждой. А отдельно в мастерскую будут отдавать наиболее зажиточные крестьяне, дети которых хотя может быть менее одарены и менее желают изучить это дело, а бедные, хотя и одаренные, могут заглохнуть на фабрике, не получив развития своим способностям. Такие мастерские с общеобразовательной школой имеются в Каменец-Подольске и Миргороде им. Гоголя.

Заведующий классами технического рисования в с. Речицах П. Г. Смирнов 11 января 1914 года».

Разумеется и это послание П. Г. Смирнова сопровождалось сметой расходов, правда, почему-то только ежегодных:

«Ежегодные затраты.

<i>№№</i>	<i>Наименование</i>	<i>Сумма</i>
1.	<i>Дрова для отопления мастерской и обжига посуды</i>	<i>1450 р.</i>
2.	<i>Масса (глина и др. составляющие части массы, глазури)</i>	<i>600 р.</i>
3.	<i>На покупку гипса для формы</i>	<i>120 р.</i>
4.	<i>Капсюли</i>	<i>75 р.</i>
5.	<i>Краски, кисти, пульверизатор, бензин, терпентин, разные масла, кислоты, реактивы и др.</i>	<i>315 р.</i>
6.	<i>Доставка глины, дров, их колка и распилка. Доставка полевого шпата и др. материалов</i>	<i>220 р.</i>
7.	<i>Художественные пособия (журналы, образцы, рисунки)</i>	<i>100 р.</i>
8.	<i>Освещение</i>	<i>75 р.</i>
9.	<i>Жалование заведующего мастерской</i>	<i>1200 р.</i>
10.	<i>Квартира заведующего</i>	<i>240 р.</i>
11.	<i>Скульптор, модельщик</i>	<i>960 р.</i>
12.	<i>Квартира скульптора</i>	<i>180 р.</i>
13.	<i>Горновщик, точильщик</i>	<i>480 р.</i>
14.	<i>Сторож, чернорабочий</i>	<i>180 р.</i>
15.	<i>Столовые расходы (чай и горячий завтрак ученикам)</i>	<i>180 р.</i>

16. Награды ученикам и мастерам к Рождеству Христову и Пасхе	250 р.
17. Страхование имущества	100 р.
18. На ремонт обжигательных печей, здания, машин	150 р.
19. Канцелярския и прочия расходы	50 р.
20. Разъездныя; на участие в выставках, за провоз и доставку посуды	100 р.
21. Вывозка мусора и служебныя расходы	150 р.
<i>Итого</i>	<i>7175 р.»</i> [47, л. 184].

В архивах не было обнаружено прямых свидетельств того, что многолетние усилия Смирнова по созданию гончарной мастерской увенчались успехом. Но один документ, датированный сентябрем 1915 г., позволяет утверждать, что через десять лет после первых усилий, предпринятых Павлом Григорьевичем в этом направлении, мастерская все-таки была открыта. Этим документом является прошение о возможности найма рабочего в гончарную мастерскую:

*«Его Превосходительству
господину Директору Императорскаго
Строгановскаго училища
от зав. филиальным отд. училища в с. Речицы
Имею честь просить Ваше Превосходительство разрешить мне нанять мастера-рабочего для гончарной мастерской, а именно: для сбитья глин, для приготовления пластов, для литья из гипса моделей и форм, для вырезания шаблонов из металла и дерева, для установки гончарных станков, для передачи на фабрики для обжига и обратно выделанной и расписанной в мастерской посуды и для других работ, потребных для гончарной мастерской, с платой по 20 р. в месяц. Соответствующий мастер, могущий показать и точку посуды, имеется мною ввиду.*

В текущем году в мастерской 23 ученика.

*Зав. филиальным отделением училища в с. Речицы
П. Г. Смирнов 23 сентября 1915 г.»* [47, л. 41].

Коль скоро известно, что при Речицком филиале никакой гончарной мастерской прежде не было, логично предположить, что в прошении имеется в виду та самая, вновь организованная мастерская, о которой много лет мечтал ученый рисовальщик Смирнов.

Так развивалось филиальное отделение Строгановского училища в Речицах в последние годы Императорской Рос-

сии. Количество учащихся увеличивалось, производственные мощности расширялись, и, несмотря на тяжелое положение государства, ведущего войну, будущее художественно-ремесленной мастерской представлялось довольно перспективным. Однако, начиная с 1916 г. события и внутри мастерской, и внутри училища, и в целом в стране, стали развиваться таким образом, что, в конце концов, Гжельский филиал прекратил свое существование.

Весной, или в самом начале лета 1916 г. резко осложнились отношения между дирекцией Строгановского училища и П. Г. Смирновым. Документов, позволяющих определить причины конфликта, обнаружить не удалось. Можно только предположить, что это было какое-то внезапное недоразумение, а не затяжное взаимное недовольство, которое лишь ждало случая, чтобы перерасти в активную фазу конфликта. Известно, что деятельность Павла Григорьевича на посту заведующего Речицким филиалом положительно оценивалась руководством Строгановки, большинство его инициатив находило поддержку. Почти 12 лет он проработал заведующим филиала. Кроме того, в 1913 г. Павлу Смирнову было присвоено звание личного почетного гражданина.

«Свидетельство на звание личного почетного гражданина.

По Указу Его Императорского Величества, Правительствующий Сенат, рассмотрев представленные от ученаго рисовальщика Павла Григорьева Смирнова доказательства на почетное гражданство личное, <...> 31 октября 1913 года заключили: оному Павлу Григорьеву Смирнову присвоить лично все права и преимущества личного почетного гражданина.

Ноября 13 дня 1913 года» [23, л. 10].

Очевидно, что для чиновника, находящегося на государственной службе, а Павел Смирнов был государственным служащим, получение такого звания было невозможно без соответствующих рекомендаций начальства.

Однако, несмотря на все приведенные обстоятельства, в июне 1916 г. Павлу Смирнову отправляется официальное письмо следующего содержания:

«1916 года 28 июня.

*Господину заведующему филиальным отделением
Императорского Строгановскаго Училища
в с. Речицы Бронницкаго уезда Павлу Григорьевичу Смирнову.*

Уведомляю Вас, что Податель сего, Егор Васильевич Монахов командирован мною для ознакомления с постановкой керамического дела в заведываемых Вами мастерских, а также и положением дел (?) в Речицах. Прошу Вас дать ему все необходимые сведения.

*Подп. Член Сов. Мин. Торг. и Пром.: Директор Н. Глоба
Верно: Письмоводитель П. Балиев.*

На письме сбоку: Получил 28 июня 1916 года. Е. Монахов» [47, л. 10].

Письмо, по сути, представляет собой уведомление о проверке и содержит скрытую угрозу. Чего только стоит официальное представление командированного Е. В. Монахова в качестве «подателя сего». Форма письма свидетельствует о стремлении руководства Строгановки взаимодействовать в рамках сугубо официальных отношений и требует соблюдать эти отношения между коллегами по работе Монаховым и Смирновым.

Между тем, Павел Смирнов и Егор Монахов хорошо знали друг друга. Мало того, что Е. Монахов родился и жил в Речицах, так он еще длительное время учился и работал в Строгановском училище (в момент написания письма заведовал керамической мастерской). К сожалению, нет сведений об их личных взаимоотношениях, которые между художниками чаще всего бывают непростыми.

Что за проступок совершил П. Смирнов, неизвестно. Столь резкое изменение отношения к нему могло быть вызвано революционными взглядами, которые были весьма распространены в канун буржуазной революции. Так или иначе, но вслед за проверкой деятельности мастерских последовало увольнение заведующего, о чем свидетельствует следующий документ:

«Господину заведующему Художественно-ремесленной учебной мастерской филиального отд. Императорского Строгановского училища в с. Речицы, Бронницкого уезда

П. Г. Смирнову.

Находя Вашу службу по заведыванию филиальным отделением вверенного мне Императорского Строгановского училища в с. Речицы Бронницкого уезда не соответствующей требованиям и задачам названного училища, уведомляю Вас, М. Г., что с 1 сентября сего года Вы увольняетесь от занимаемой Вами должности.

*Подп. Член Сов. Мин. Торг. и Пром.: Директор Н. Глоба
Верно: Письмоводитель П. Балиев» [23, л. 13].*

На этом письме не стоит дата написания, только дата увольнения. Можно предположить, что письмо было написано вскоре после предыдущего, то есть по результатам «ознакомления» Е. В. Монахова «с постановкой керамического дела» в мастерской. А дата увольнения означает лишь то, что Павлу Григорьевичу позволили «отгулять» отпуск, но приступить к выполнению своих обязанностей с начала учебного года он уже не мог.

Последним в хронологическом порядке документом, относящимся к рассматриваемому периоду, было удостоверение на бланке Строгановского училища, выданное Павлу Смирнову уже в 1917 г., за несколько дней до Февральской революции.

«21 февраля 1917 г.исходящий № 314.

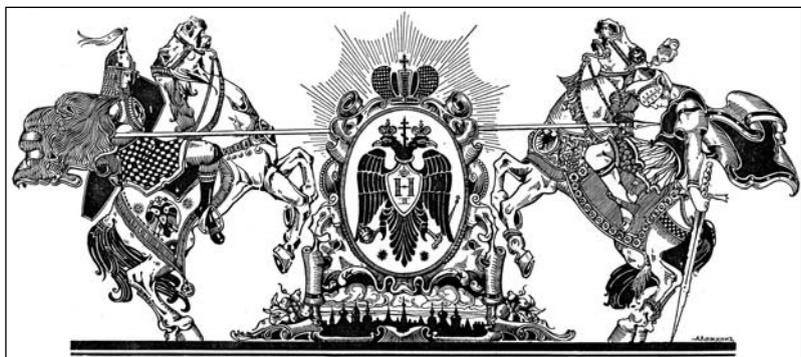
Удостоверение.

Дано сие от Императорскаго Строгановскаго Центральнаго художественно-промышленнаго училища в Москве Павлу Григорьевичу Смирнову для предъявления в 56-й запасной пехотный полк, в удостоверение того, что он, Смирнов с октября 1914 г. состоял заведующим и преподавателем рисования филиального отделения названнаго училища в с. Речицы Московской губернии и в октябре 1916 г. призван на военную службу.

*Член совета Министра торговли и промышленности
Директор Н. В. Глоба» [23, л. 5].*

В октябре 1916 г. П. Смирнов был призван в действующую армию. Дальнейшая его судьба, к сожалению, неизвестна.

Относительно того, продолжились ли занятия в художественно-ремесленных мастерских 1 сентября 1916 г., говорить

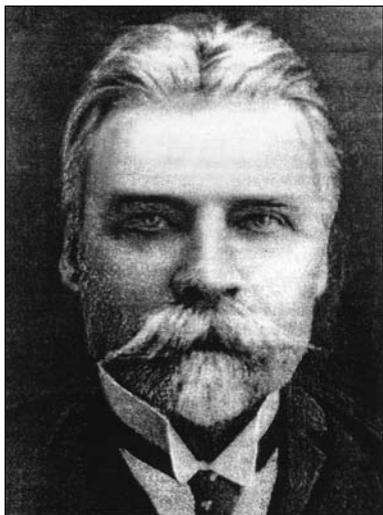

Патриотическая графика 1915 г.

сложно. Скорее всего, после отставки Смирнова работа Речицкого филиала Строгановского училища прекратилась. Этому способствовали война и внутренние политические события, потрясаящие Империю, которые не могли не сказаться отрицательно на работе государственного учреждения. Однако официальных документов, свидетельствующих о закрытии мастерских, не найдено.

Таким образом, в конце 1916 г. закончился дореволюционный период художественно-промышленного образования в Гжельском регионе.

6. Династия гжельских художников-керамистов Монаховых

Г. В. Монахов. Фото нач. XX в.

Часто бывает, что в истории предприятия, как бы ни менялось его название, форма собственности, а иногда даже и направление деятельности, на протяжении десятилетий фигурирует одна и та же фамилия. В советские времена, если несколько поколений семьи работали в одном месте, говорили о формировании рабочей династии. Для гжельского промысла и для гжельского художественно-промышленного образования в начале XX в. такой рабочей династией стала династия художников-керамистов Монаховых.

Фамилия Монаховых хорошо известна в Гжели на протяжении последних 100 лет. Наиболее прославленный ее представитель – Харлампий Георгиевич Монахов – в первой половине XX в. очень много сделал для развития гжельского промысла, обучения молодежи основам мастерства. Не менее интересна история всей его семьи – отца Егора Васильевича, матери Прасковьи Васильевны, троих братьев и сестры. О том, что Егор Васильевич Монахов (кстати, до некоторого времени он носил фамилию

Сафронов) был человеком незаурядным, говорит уже то, что, будучи «Бронницкаго уезда села Речиц» крестьянином, получил блестящее образование в Императорском Строгановском центральном училище технического рисования, после чего был принят туда на работу мастером керамической мастерской. Как уже отмечалось в предыдущем разделе, именно Егора Васильевича директор Строгановки Н. Глоба направил для ознакомления с постановкой керамического дела в Речицких мастерских, которыми заведовал Павел Смирнов.

По крайней мере, четверо из пяти детей Егора Монахова учились в знаменитой Строгановке! Возможно, и все пятеро, просто документы на четверых в архиве Училища были обнаружены, а на среднего сына Николая – нет. После революции Монаховы не оставляют родную Гжель и продолжают работать в созданной в 1918 году школе ИЗО Наркомпроса, а затем и на местном производстве.

Обратимся к дореволюционному периоду жизни семьи Монаховых и проследим некоторые события по документам, сохранившемся в архиве Строгановского Императорского училища, учениками которого были и сам Егор Васильевич Монахов, и его дети.

Некоторые сведения о главе семьи, Егор Васильевиче Монахове, известны из его паспорта, выданного в 1903 г., копия которого находится в «деле» сына Ивана. Как уже отмечалось, при подаче документов для поступления в Строгановское училище на каждого «абитуриента» заводилось «личное дело», куда подшивались все документы, касающиеся будущего ученика. По мере обучения дело пополнялось листами успеваемости,

Кашпо «Львы», Гжель, круг
Г. В. Монахова, 1900 – 1910 гг.

похвальными или порицательными отношениями, рапортами, прошениями и т.п. Несмотря на то, что четверо детей Монахова-старшего точно учились в Строгановке, и, таким образом, ему приходилось не менее четырех раз писать заявление о приеме и не менее четырех раз собирать необходимые документы, копия паспорта Егора Монахова нашлась только в деле Ивана.

«Паспорт.

Предъявитель сего – крестьянин Московской губернии Бронницкаго уезда Гжельской волости села Речиц Егор Васильевич Монахов-Сафронов.

Уволен в разные города и селения Российской империи от нижеследующего числа по 30 июня 1904 года.

Дан с приложением к печати одна тысяча девятьсот третьего года июня 30-го дня.

Вероисповедания – православного.

Время рождения или возраст – 39 лет.

Состоит или состоял в браке – женат.

Находятся при нем:

жена – Прасковья Васильева

дети: Харламий, Иван, Николай, Мария, Сергей» [18, л. 3].

Таким образом, был Монахов-старший, что называется «местным», родился в Речицах – самом центре Гжельского керамического района. Паспорт крестьянам выдавался сроком на один год, и в течение этого года Егору (Георгию) Васильевичу Монахову-Софронову можно было жить в любой точке Российской Империи. Благодаря этому документу также выясняется, что 30 июня 1903 г. Егору было 39 лет, следовательно, он был 1863-го или 1864-го года рождения. В этом паспорте указана жена Прасковья Васильевна. В дальнейшем, с 1922 г. Прасковья Васильевна, имея за плечами «рукодельную школу», станет работать вместе с мужем в Гжельской керамической школе «швеей и кастеляншей».

Как видно из паспорта, старшим сыном в семье Монаховых был Харламий. Когда ему исполнилось 12 лет, отец определил мальчика в Строгановское училище, благодаря чему сохранились некоторые сведения о его детстве и юности. Однако в деле Харлампия прослеживается «чехарда» с фамилиями. Начнем с первого документа, это прошение о приеме в Училище. Приводим его полностью и обращаем внимание, что согласно Уставу Строгановского училища, обучение в нем было

Г. В. Монахов. Кувшин, майолика, ок. 1903 г.

бесплатным. Родители или попечители оплачивали лишь расходные материалы и использование наглядных пособий.

«Господину Директору Строгановского Императорского центрального училища технического рисования.

Егора Васильевича Монахова

Прошение.

Представляя при сем свидетельства сына моего Харлампия: метрическое и врачебное, имею честь покорнейше просить о принятии его в число учеников Строгановского центрального училища технического рисования.

Установленную плату за учебные материалы вносить обязуюсь.

1897 года июля 25-го дня.

Егор Монахов» [20, л. 2].

Итак, в этом документе дважды встречается имя Егора Васильевича и везде употребляется фамилия Монахов.

Метрическое свидетельство, упомянутое в прошении, сохранилось и подшито в деле четвертым листом:

«В копии метрических книг, хранящихся при Вознесенской села Речиц церкви за одна тысяча восемьсот восемьдесят пятый год в первой части родившихся в графе мужского пола под № 6 – написано так: месяца февраля пятого числа рожден и шестого крещен Харлампий.

Родители его: села Речиц крестьянин Георгий Васильевич Сафронов и законная жена его Параскева Васильевна. Оба православного вероисповедания.

Восприемниками были: также села Речиц крестьянин Петр Ефремов Чухляев и крестьянская девица Евдокия Ивановна и свидетельствуем своею подписью с приложением церковной печати.

1892 года 19 августа

Московской губернии, Бронницкого уезда Гжельской волости села Речиц Вознесенской церкви

Священник Андрей Лебедев

Псаломщик Александр Марков» [20, л. 4].

Вот как! Оказывается в 1885 г., когда Георгий Васильевич крестил в Речицком храме своего первенца, фамилия его была Сафронов. Но и это еще не все. Читаем медицинское свидетельство, выданное 12-летнему Харлампию для поступления в Училище.

«Сим удостоверяю, что при исследовании Харлампия Егорова Сафронова 12 1/2 лет оказалось, что все органы грудной

и брюшной полости находятся в здоровом состоянии. На руках существуют ясные следы от привитой оспы. На боковых частях шеи прощупываются слегка увеличенные железы.

*Врач А. М. Васильева-Гаркан
1897г. 6 июля» [20, л. 5].*

Таким образом получается, что согласно прошению, Егор Монахов просит зачислить в число учеников Строгановки своего сына Харлампия Сафронова. Но, судя по всему, такие нестыковки не стали препятствием для поступления юного Харлампия, который, будучи уже учеником, стал носить фамилию Монахов. Во всяком случае, на его таблице стоит эта фамилия. Перечень предметов и оценки по предметам представлены ниже.

Монахов Харлампий Георгиевич. Рождения 05. II 1885 года
Поступил 1 сентября 1897 года

1 – 3 классы	Закон Божий	Русский язык	Ариф- метика	Геоме- трия	Геогра- фия	Естест вознан	Физика	Чер чение	Чисто писан.	Начер геом.
1897- 1898										
1 пол	5	5	5		5			3	3	
2 пол	5	5	4		5			3	4	
общ.	5	5	5		5			3	4	
1898- 1899										
1 пол	5	4	3	5	4			5	3	
2 пол	5	4	4	4	4			5	3	
общ.	5	4	4	4	4					
1899- 1900										
1 пол	4	3	4	4	3					5
2 пол	4	3	4	4	4					4
общ.	4	3	4	4	4					4

Поведение везде «отлично»

4 - 7 классы	Закон Божий	Русский язык	Геоме- трия	Естест вознан	Физика	Начер геом.	История	Ист. искусств.	Истор. русс. искусст.	Теория теней
1900- 1901										
1 пол	3	3	3			3	3	3		
2 пол	4	3	4			3	4	3		
общ.	4	3	4			3	4	3		
1901- 1902										
1 пол	5	3		—			3+	4		2-
2 пол	4	3		3			4	3		—
общ.	4	3		3			4	3 1/2		2
1902- 1903										
1 пол	4	3		3	—			4	—	
2 пол	4	3		4-	4			4	3+	
общ.	4	3		3+	4			4	3+	
1903- 1904										
	не занимался									

Поведение везде «отлично».

В шестом классе одно полугодие преподавалась «перспектива». По ней также «отлично» [20, л. 1].

По каким-то причинам Харламий не учился в последнем седьмом классе и в январе 1904 г. покинул Училище. В деле сохранилась справка, которую когда-либо получал каждый из нас, и суть которой не изменилась за прошедшие сто с лишним лет:

«Учеником Монаховым сданы все числящиеся за ним книги в ученической библиотеке.

17 января девятьсот четвертаго года.

Зав. ученической библиотекой» [20, л. 3].

Чтобы выяснить, каков был дальнейший путь Харлампия Егоровича, придется забежать немного вперед и обратиться к одному важному документу. Это так называемая «Личная штатная Ведомость» Гжельской керамической школы, датированная 1923 г. В ней перечислялся весь штатный состав Гжельской керамической школы начала 20-х гг. с указанием должностей, образования и производственного стажа [14,

с. 104–109]. Согласно этой ведомости, Харлампий Монахов с 1920 г. занимал должность преподавателя. Против его имени стоит педагогический стаж – 19 лет. Ведомость заполнялась в 1923 г. Харлампий завершил обучение в Строгановском училище в 1904 г. Отсюда можно сделать вывод, что сразу после обучения в Строгановском училище молодой художник стал преподавать.

Г. В. Монахов. Ваза, Кристаллическая глазурь, нач. XX в..

Доподлинно известно, где он преподавал с сентября 1920 г., а вот раньше... Документов, проливающих свет на этот вопрос, обнаружить не удалось. Можно предположить, что работал Харлампий либо в самой Строгановке, что маловероятно (ученик, судя по таблице, он был не самый прилежный), либо у себя на родине – в гжельском селе Речицы, где в 1899 г. Строгановское училище открыло свое филиальное отделение. Как уже сообщалось, с 1904 года Речицким филиалом заведовал «ученый рисовальщик» Павел Григорьевич Смирнов, который выполнял и преподавательские функции. Но, разумеется, что филиал мог иметь и других преподавателей. Логично было бы предположить, что молодой 19-летний художник получит предложение преподавать в филиале, открытом к тому же в его родном селе. Хотя, конечно, работа Х. Е. Монахова в Речицком филиале – всего лишь предположение.

В 1903 г. Егор Васильевич пишет второе прошение на имя директора Строгановского Императорского центрального училища технического рисования с просьбой зачислить туда своего второго сына Ивана. Про него известно лишь то, что к 12-ти годам он уже получил начальное образование, о чем в деле есть соответствующая справка:

«Штамп:

*Мужское городское начальное училище имени С. А. Капцова.
Удостоверение.*

Сим удостоверяется, что сын крестьянина Сафронов Иван в 1903 году с успехом окончил курс учения в городском начальном им. С. А. Капцова, училище в г. Москве.

*Ст. учитель В. Розанов
Июля 28 дня 1903 года» [18, л. 5].*

Заметим, что фамилия Ивана в приведенном документе – Сафронов.

Следующим сыном, как уже отмечалось, в семье Монаховых был Николай, но в архиве Строгановки о нем ничего нет.

В феврале 1910 г. Егор Васильевич устраивает в Училище единственную дочь Марию. Правда, принимают ее не в основной состав, а на вечерние курсы [21, л. 1]. Есть сведения, что до поступления в Строгановку Мария Егоровна окончила 2-е женское Мяжецкое начальное училище «с отличными успехами» [25, с. 250].

И, наконец, в августе 1912 г. Егор Васильевич определяет в Училище своего младшего сына Сергея [19, л. 1]. С его учебной у отца были определенные проблемы. В деле есть выписка из метрической книги Сергея Егоровича:

«Монахов Сергей Егоров

родился 21-го, крестился 26-го сентября 1900 года.

Восприемники: Ученик Строгановского училища 4 класса 2 отделения Харлампий Егоров Монахов и крестьянка Бронницкого уезда, Гжельской волости, дер. Володино Татиана Константинова Бученкова.

Свящ. Алексей Лебедев с причтом.

Московской Николаевской в звонарях церкви протоиерей А. Богородицкий.

Диакон Михаил Успенский» [19, л. 2].

Г. В. Монахов. Вазы, майолика, кон. XIX. нач. XX в.

Восприемником (крестным отцом), как это часто бывало в то время, у Сергея был его старший брат Харлампий.

Как видим, на момент поступления Сергею не было полных 12-ти лет. А надо отметить, что в Строгановском училище к минимальному возрасту поступающих относились весьма строго. Правда, иногда делались исключения. Главным образом это происходило, когда ученику вот-вот должно было исполниться 12 лет, или благодаря личным связям родителя. Учитывая, что и то, и другое обстоятельство в отношении Сергея Монахова имело место, логично предположить, что Егору Васильевичу пошли навстречу.

Однако следующий документ позволяет утверждать, что зачисление Сергея в училище произошло только в следующем году.

*«дата “23 сентября 1913 года”
входящий № 3843*

*Его превосходительству, г-ну Директору Императорскаго Строгановскаго художественно-промышленнаго училища
От старшего мастера керамической мастерской
Строгановскаго училища Егора Васильевича Монахова
Прошение.*

Настоящим имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство об освобождении от платы за право учения сына моего Сергея Монахова, ученика I класса I отделения Императорскаго Строгановскаго художественно-промышленного училища.

*12 сентября 1913 г.
Е. Монахов» [19, л. 5].*

Документ любопытный, дающий возможность сделать сразу несколько важных выводов. Во-первых, здесь указана должность, которую в 1913 г. занимал Егор Васильевич. Во-вторых, просьба, с которой он обращается к директору, гово-

*Г. В. Монахов. Ваза, майолика,
нач. XX в.*

рит о тяжелом материальном положении семьи Монаховых. Дело в том, что плата за обучение в Строгановке в ту пору не превышала 15 рублей в год [45]. Сумма небольшая, и если уж такие деньги для семьи Монаховых представлялись неподъемными – и это притом, что в 1913 г. старшие сыновья окончили обучение и наверняка работали – значит, действительно произошло что-то экстраординарное.

И последнее, на что необходимо обратить внимание, это дата прошения и то, в каком классе обучался Сергей. Действительно, заявление о приеме в Училище было написано в августе 1912 г. Тогда в сентябре 1913 г., когда было написано прошение об освобождении от платы, Сергей должен был бы быть учеником второго класса. А в прошении указано, что он ученик первого. На второй год в Строгановке по причине неуспеваемости не оставляли, просто отчисляли из училища. Другое дело, по болезни. А возможно, причина была в том, что Сергея не взяли в 1912 г. по недостаточности возраста. В любом случае, начало обучения Сергея Монахова пришлось на 1913 г. Что же касается решения по прошению, то оно было неутешительным. Поверх текста Егора Васильевича чьей-то уверенной рукой было размашисто написано «Отказать. 3 октября 1913 г.» [19, л. 5].

Вообще, период 1913–1915 гг. для семьи Егора Васильевича в финансовом отношении был непростым. И возможно причины этого кроются в коротком письме, которое он написал в самом начале 1915 г. директору Строгановского училища. Прежде, чем его процитировать, напомним, что именно в это время рассматривался вопрос о постройке при Речицком филиале училища образцовой керамической мастерской. Подробно об этом рассказывалось в разделе, посвященном Павлу Григорьевичу Смирнову. Изначально предполагалась небольшая постройка, затем проект менялся, и было принято решение не только строить мастерскую, но и расширять помещение для рисовальных классов. Процесс длился несколько лет и завершился, вероятно, только в середине 1915 г., когда мастерская, предположительно, была построена и начала работать.

Конечно, Егор Васильевич был в курсе всех дел. Конечно, он не мог оставаться в стороне. И, видимо, предложил свои услуги в части строительства. Во всяком случае, в 1914 г. им был построен дом на родной гжельской земле, в котором планировалось разместить рисовальные классы. Но, как известно, в августе 1914 г. началась мировая война, и Министерство Финансов, которое обеспечивало деятельность училища и его

филиалов, наверняка переориентировало свою инвестиционную деятельность. Но Егор Васильевич, серьезно издержавшись на постройку, а возможно даже и сделав долги, рассчитывал на использование его дома и земли уже сейчас. Этого не происходило. И тогда он пишет следующее письмо:

«Ваше Превосходительство!

Имею честь предложить Вам свой участок земли, размером приблизительно 300 кв. сажень, для постройки керамической мастерской при филиальном отделении в с. Речицы. Что касается насчет цены, я согласен, как предлагают Смирнову другие крестьяне на лета, или в собственность.

Желаю сдать свой дом под рисовальныя классы ценою 15 р. в месяц; размер дома 10х12 аршин. Если будет возможно, чтобы мне пользоваться – жить летния месяцы, а если невозможно – я тоже согласен.

Ваше Превосходительство, мне очень желательно сдать дом, так я строил по совету Вашему, что Вы обещались поместить в моем доме рисовальную школу, иначе мне не было бы смысла потратить трудовыя деньги на дом, который стоит без пользы.

Ваше Превосходительство, покорнейше прошу не отказать моей просьбе.

*Покорнейший слуга Ваш Е. Монахов
5 января 1915 г.» [47, л. 150].*

В конце 1915 г., когда младший сын Сергей учился уже в третьем классе, положение семьи Монаховых не улучшилось. Сви-детельством тому очередное прошение Егора Васильевича.

*«Его Превосходительству г-ну директору Строгановскаго Императорскаго художественно-промышленнаго училища от мастера керамики Е. Монахова
Прошение.*

Имею честь покорнейше просить Вас Ваше Превосходительство об освобождении от платы за право учения во вверенном Вам училище, сына моего С. Монахова ученика III класса. Так он оказался не освобожден от платы, а я уплатить в такие тяжелые переживаемые нами времена не в состоянии, дороговизна совсем нас ставит в тяжелое положение.

Ваше Превосходительство, покорнейше прошу Вас не отказать моей просьбе в такое тяжелое время.

*Покорный мастер Ваш
Е. Монахов
11 декабря 1915 г.» [19, л. 4].*

Дороговизна, на которую ссылается Егор Васильевич, конечно же, была следствием Первой Мировой Войны, которую Российская Империя вела к тому времени уже полтора года. Каково было решение руководства Училища по этому прошению – неизвестно. На нем никаких резолюций нет. Но вот на обороте чьей-то – не монаховской – рукой в столбец набросан такой текст:

«ЗБ – 3

Р.я. – 3-

Ар. – 2

Геом. – 3-

Геогр. – 3

Ест. – 2

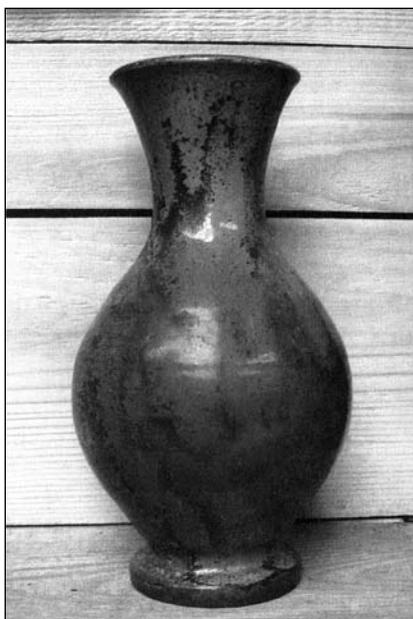
Истор. – 3

Черч. – 3» [19, л. 4 об.].

Очевидно, что это показатели успеваемости Сергея Монахова. И они невысоки. Можно лишь предположить, что приведенный текст был написан неким ответственным лицом, в чьей компетенции было готовить решение по прошению Егора Васильевича. И, вероятно,

уровень прилежания ученика Монахова мог бы на него повлиять. Понятно, что если такие предположения обоснованы, то вряд ли решение было положительным.

Но учение младшего Монахова доставляло трудности Егору Васильевичу не только по материальным соображениям. Судя по всему, Сергей Егорович был еще и большим проказником. Во всяком случае, к 1916 г. он был уже на особом счету в Училище по поведению. Тогда это называлось «быть под замечанием». Каким образом Сергей заслужил данный статус – неизвестно, но, если в Училище происходили какие-

*Г. В. Монахов. Ваза, майолика,
нач. XX в.*

то происшествия, то руководство в первую очередь думало именно на него. Так, в апреле 1916 г. кто-то, надо полагать для смеха, поджег трубу в прачечной. Серьезных последствий это, слава Богу, не имело, но выводы были сделаны. Решили, что виновником хулиганского поступка является находящийся под замечанием Сережа Монахов, которому, кстати, шел уже 16-й год. Непонятно, была ли доказана его вина, но директор училища подписал приказ об отчислении. Отец вступился за сына:

«Штамп Строгановского училища, в который вписаны:
дата “25 апреля 1916 года”
и входящий № 1048

Его превосходительству, г-ну Директору Императорскаго Строгановскаго художественно-промышленнаго училища
Прощение

от Егора Васильевича Монахова.

Имею честь покорнейше просить Вас Ваше Превосходительство о моем сыне ученике 3 класса во вверенном Вам училище, Сергее Монахове. Будьте так добры простить сына моего за его глупыя поступки и разрешите не исключать его из училища. Я сознаю, что он без отца совсем изменился, он на Мясницкой учился, мне никогда не заявляли о нем, чтобы он шалун.

Ваше Превосходительство жаль, что он четыре года проучился и бросать его на произвол судьбы. Вы мне предложили взять его в Гоголевское сначала я был согласен но теперь не могу взять вследствие дороговизны за него мне платить за стол 30 р. мес. да еще в школе идет какая-то неурядица, а куда-нибудь в мастера определить он уже взрослый не возьмут.

Ваше Превосходительство будьте так ко мне добры и не оставьте моей просьбы.

Простите Ваше Превосходительство еще Вам пишу хотя и неудобно может быть найдете, но лично еще не мог Вас видеть и передать этот факт.

Мой сын говорит что много я невиновен в шалости, а меня винят, а именно: когда-то в прачечной трубе загорелась сажка а уже на второй день его вызывает надзиратель Кутузов и говорит Монахов зачем ты в прачечной поджег трубу. Я на празднике говорил по этому поводу со смотрителем. Смотритель говорит, что тут дети непричастны, а загорелась сажка обыкновенно как бывает от накопления ея. Откуда же набирает надзиратель дворовых сплетен и

этим обижает ученика, если ученик был под замечанием так на него и надо добавлять всякие небылицы.

Сын мой в том невиновен.

Извиняюсь.

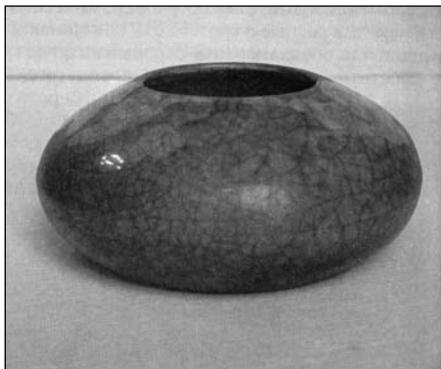
Е. Монахов 21 IV/16» [19, л. 3].

Читая это прошение, невольно слышишь голос бедного Егора Васильевича. Выше приводились другие его прошения. Всегда хороший язык, строгая логика изложения, грамотно построенные фразы. И вдруг такое. Сбивчивая речь, какие-то немислимые обороты типа «мне никогда не заявляли о нем, что он шалун». Видно как переживает Егор Васильевич, как опасается, что отчислят младшенького. Какой тогда будет его судьба? Тем более, что платить за обучение придется намного больше, а за Строгановку-то с трудом получается. Мастером на работу недоучку не возьмут, а мальчиком-подмастерьем 15-летнего юношу – тем более.

Сама логика построения прошения тоже очень неказиста. В начале вина парня полностью признается, и Егор Васильевич просто молит директора о снисхождении и прощении. Однако по ходу изложения участие в «происшествии» полностью отрицается. Более того, обвиняется надзиратель, который «набирает сплетен» и обвиняет ученика только потому, что тот «под замечанием». Судя по всему, прошение написано единым духом, и под конец Егор Васильевич так себя настроил, что полностью исключил виновность сына. Что и нашло отражение в концовке: «Сын мой невиновен». И уж совсем нехарактерной, если не сказать немислимой, ни для мастера Монахова, ни для официальных документов того времени стала подпись:

«Извиняюсь. Е. Монахов».

В архиве не сохранились документы, по которым можно было бы проследить продолжение истории с трубой в прачечной, и неизвестно, остался ли в числе учеников Строгановки Сережа Монахов. Но, даже если и остался, то полного курса не прошел. Через год Империя рухнула, Императорское Строгановское училище

Г. В. Монахов. Ваза, майолика, нач. XX в.

было закрыто, чтобы через несколько лет, уже при советской власти, преобразоваться во ВХУТЕМАС. Продолжил ли Сергей Монахов свое образование после революции – неизвестно.

Сразу после революции, в 1918 году, на базе бывшего филиала Строгановского училища была открыта Гжельская керамическая школа. С 1920 г. преподавателем в ней становится Харлампий Егорович Монахов, а руководителем практических работ – Егор Васильевич Монахов. Связь Монаховых с керамическим производством не прекращалась и в дальнейшем. Так, Егор Васильевич был одним из инициаторов создания Гжельского керамического завода «Всекохудожник», где с 1932 г. руководил производством глазури. После закрытия керамической школы Харлампий Егорович продолжил преподавательскую деятельность в Гжельском керамическом техникуме до его закрытия в 1937 г. Многие работы талантливых керамистов Монаховых экспонировались на различных Российских и международных выставках, украшают собрания музеев и частные коллекции.

Заключение

Весь дореволюционный период художественно-промышленного образования в Гжели можно разделить на два этапа. Первый начался вместе с зарождением промысла, и характеризовался архаическими формами обучения «от отца к сыну». Благодаря такому обучению формировался ремесленник способный бесконечно повторять усвоенные образцы, но лишенный широких художественно-промышленных знаний, умений и навыков.

Дату наступления второго этапа можно указать точно. Это случилось в 1899 г., когда Строгановское Императорское Училище технического рисования открыло в центре гжельской округи, селе Речицах, свой филиал для того, чтобы местные талантливые юноши и девушки получали *«художественное и практическое образование с узкоспециальными целями, преследуемыми местными кустарными производствами»* [33, л. 33 об.]. Именно в 1899 г. началась эпоха государственного художественно-промышленного образования в гжельском народном художественном промысле. Принципиально новая форма обучения художественному ремеслу детей гжельских мастеров была полностью внедрена в январе 1901 г., когда в филиале стали проводиться регулярные занятия.

Подобная, конечно достаточно условная, этапность в развитии художественно-промышленного образования в Гжели соотносится с процессами, происходящими в художественно-промышленном образовании в Российской Империи в целом. Не случайно, что на волне резкого подъема интереса к народному искусству, произошедшего в конце XIX в., именно Гжель с ее незатейливой, но очень самобытной красотой, одной из первых привлекла внимание Императорского художественно-промышленного училища. Администрация Строгановки, избрав гжельский промысел одним из мест организации своих филиалов, подчеркнула важность и ценность Гжели для русского прикладного искусства. Учитывая, что к Строгановскому училищу прямо или косвенно имели отношение практически все творившие тогда художники и искусствоведы, открытие филиала училища на гжельской земле было равносильно признанию авторитета гжельской керамики самыми влиятельными людьми того времени.

Недолгий период работы филиала продемонстрировал оправданность такого шага. С самого открытия классы всегда были полны учениками. Количество учащихся определялось лишь размерами помещения, площади которого сразу стало не хватать. В 1910-х гг. шла речь о расширении рисовальных классов, позже была построена и организована образцовая керамическая мастерская. Филиал жил и развивался. К сожалению, начавшаяся в 1914 г. война приостановила расширение филиала, а последовавшая вскоре революция привела к его ликвидации. Тем не менее, Речицкий филиал Строгановского училища, даже будучи закрытым в революционные годы, сыграл важнейшую роль, подготовил «площадку» для бурного развития художественно-промышленного образования в Гжели в первые годы Советской власти.

Уже осенью 1918 г. была открыта керамическая школа ИЗО Наркомпроса, являющаяся преемницей Речицких рисовальных классов. В 1931 году керамическая школа была преобразована в Гжельский керамический техникум, который в 1991 году получил статус художественно-промышленного колледжа, а затем и института (2002 г.). Пройдя путь от «рисовальных классов» до высшего учебного заведения с мировой известностью, Гжельский государственный художественно-промышленный институт сконцентрировал весь, в том числе и дореволюционный, опыт отечественного художественно-промышленного образования.

Список используемых источников

1. *Акимов В. В.* Земская деятельность по народному образованию. // Журнал министерства народного образования. – 1907 г. – Май.
2. *Астраханцева Т. Л.* Гжельская майолика XX века. – СПб.: Аврора. 2006, – 288 с.: ил.
3. *Воронцов В. Н.* Очерки кустарной промышленности в России. – СПб. 1886. – 236 с.
4. Всемирная выставка 1900 г. в Париже. Русский отдел. Сведения для каталога и экспертизы. // РГАЛИ. Ф. 677. (Строгановское училище) Оп. 2. Д. 87.
5. *Гартвиг А.* Школа рисования в отношении к искусствам и ремеслам, учрежденная в 1825 году графом С. Г. Строгановым. Ея возникновение и развитие до 1860 года. – М., 1901, – 500 с.
6. *Голицын Ф. С.* Кустарное дело в России. – СПб. 1904, – 256 с.
7. Губернский статистик 1864. Цит. по: Протоиерей Олег Пэнэжко. Бронницкий уезд. Храмы Раменского района. – Владимир: Владимир, 2008. – 416 с.: ил.
8. Дело Московской Губернской Земской Управы о классах технического рисования 1903 г. // ЦИАМ. Д. 184. Оп. 6. Д. 234.
9. Дело Московской Губернской Земской Управы о классах технического рисования 1905 г. // ЦИАМ. Д. 184. Оп. 6. Д. 235.
10. *Зимин А. Л.* О необходимости обучения ремеслам в народных школах. – Орел. 1900, – 26 с.
11. *Зубец В. М.* Развитие художественно-промышленного образования в России на рубеже XIX–XX веков: дис. канд. истор. наук. М., 2004.
12. *Илькевич Б. В., Илькевич К. Б.* Основы художественно-промышленного образования. – Гжель: ГГХПИ, 2010. – 124 с.
13. *Илькевич Б. В., Никонов В. В.* Дореволюционный период художественно-промышленного образования в Гжели // Наука и школа. – 2012 г. – № 2.
14. *Илькевич Б. В., Никонов В. В.* Становление художественно-промышленного образования в гжельском регионе в первые годы Советской власти. // Российский Научный журнал. – 2011 г. – № 5.

15. *Илькевич Б. В., Семенова В. В.* Гжель. Истоки творчества и мастерства. – Гжель: ГГХПИ, 2011. – 168 с.: ил.
16. *Исаев П. Н.* Керамисты Строгановской школы. Биографический словарь. – М.: МГХПУ им. Строганова. 2009. – 424 с.
17. *Кирьянов Ю.И.* Бюджетные расходы рабочих России в конце XIX - начале XX вв. // Россия и мир. Памяти профессора Валерия Ивановича Бовыкина: Сб. статей. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001.
18. Личное дело Монахова Ивана Егоровича. // РГАЛИ. Ф. 677. (Строгановское училище). Оп. 1. Д. 5850.
19. Личное дело Монахова Сергея Егоровича. // РГАЛИ. Ф. 677. (Строгановское училище). Оп. 1. Д. 5851.
20. Личное дело Монахова Харлампия Егоровича. // РГАЛИ. Ф. 677. (Строгановское училище). Оп. 1. Д. 5852.
21. Личное дело Монаховой Марии Егоровны. // РГАЛИ. Ф. 677. (Строгановское училище) Оп. 1. Д. 5853.
22. Личное дело Овчинникова Петра Яковлевича. // РГАЛИ. Ф. 677. (Строгановское училище) Оп. 1. Д. 6358а.
23. Личное дело Смирнова Павла Григорьевича. // РГАЛИ. Ф. 677. (Строгановское училище) Оп. 1. Д. 8192.
24. Личное дело Трофимова Викентия Павловича. // РГАЛИ. Ф. 677. (Строгановское училище) Оп. 1. Д. 9031.
25. *Логонов В. М., Скальский Ю. П.* И ваши дни благословенны. – М.: Алгоритм-книга, 2001. – 336 с.: ил.
26. Материалы по филиальным отделениям Строгановского училища в Лигачеве и Речицах. // ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 6. Д. 256.
27. Московское губернское земское собрание. Журналы Московского губернского земского собрания. Декабрь 1880 г. – Москва – 1882. – 226 с.
28. *Никонов В. В.* Особенности государственной политики в области художественно-промышленного образования в России в XVIII веке. Материалы II Международной научно-практической конференции «Образование, наука, культура» (16 апреля 2010 года), ч. 2. Гжель 2010.
29. *Никонов В. В., Толмачева И. А.* Храм Успения Пресвятой Богородицы села Гжель. – Гжель: Кунай-колодец, 2011. – 176 с.: ил.
30. Отчет о работе филиального отделения Строгановского училища в с. Речицы Бронницкого уезда за 1905 г. // ЦИАМ. Д. 184. Оп. 6. Д. 235.

31. Отчет о работе филиального отделения Строгановского училища в с. Речицы Бронницкого уезда за 1906 г. // ЦИАМ. Д. 184. Оп. 6. Д. 235.
32. Отчет Строгановского Императорского училища технического рисования за 1898/1899 учебный год // РГАЛИ. Ф. 677. (Строгановское училище) Оп. 2. Д. 37.
33. Отчеты Строгановского Императорского училища технического рисования. 1916 г. // РГАЛИ. Ф. 677. (Строгановское училище) Оп. 2. Д. 228-а.
34. Отчет Строгановского Императорского училища технического рисования за 1900/1901 учебный год. РГАЛИ. Ф. 677. (Строгановское училище) Оп. 2. Д. 37.
35. Отчет Строгановского Императорского училища технического рисования за 1913/1914 учебный год // РГАЛИ Фонд. Ф. 677. (Строгановское училище) Оп. 2. Д. 187.
36. Отчеты и исследования по кустарной промышленности. Министерство государственных имуществ. – СПб. 1892. – 524 с.
37. *Пономарев Н. В.* Правительственное содействие кустарной промышленности. – СПб. 1898. – 178 с.
38. *Попова О. С.* Художественный фарфор Гжели.: дис. канд. искусствовед. наук. – М., 1957 // Архив ВМДПНИ. Ф. 643. Оп. 3. Д. 122.
39. Послужной список Овчинникова Петра Яковлевича. // РГАЛИ. Ф. 677. (Строгановское училище) Оп. 1. Д. 6358.
40. Правила для учеников ремесленных училищ, школ ремесленных учеников и низших ремесленных школ. Утверждены Министром Народного Просвещения генерал-адъютантом Ванновским 26 мая 1901 года.
41. *Савич А. П.* Доклад по обследованию Гжельского керамического района. 14 апреля 1933 г. // Архив ВМДПНИ. Ф. 643. Оп. 4. Д. 474.
42. Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств за 100 лет ее существования. Ч. 1. – СПб. – 1864.
43. Сведения, необходимые при составлении указателя выставки и при оценке произведений экспертами. Всероссийская Промышленная и Художественная выставка 1896 г. в Нижнем Новгороде. // РГАЛИ. Ф. 677. (Строгановское училище) Оп. 2. Д. 23.
44. *Степанов М. С.* Среднее и низшее художественно-промышленное образование в дореволюционной России.: дис.... канд. пед. наук. – Курск, 1970. (45)
45. Строгановская школа композиции. / под ред. О. Л. Голубевой, – М., МГХПУ им. С. Г. Строганова, 2005. – 352 с.: ил.

46. Устав художественно-ремесленной мастерской в селе Речицы Бронницкого уезда Московской губернии. // ЦИАМ. Ф. 677. Оп. 2. Д. 146.
47. Уставы, сметы, отчеты и переписка с Учебным отделом Министерства торговли и промышленности, местными земскими управами о реорганизации филиальных отделений училища в селах Аксиньине, Лигачеве, Речицы и Сергиевом посаде Московской губернии. // РГАЛИ Ф. 677. (Строгановское училище) Оп. 2. Д. 146.
48. *Чернов С.* Статистическое описание Московской губернии 1811 года. – М.: В университетской типографии, 1812.
49. Экзаменационные списки учащихся филиальных отделений училища и требовательные ведомости на выдачу наград учащимся за 1909/1910–1914/1915 учебные годы // РГАЛИ Ф. 677. (Строгановское училище) Оп. 2. Д. 125.

Список принятых сокращений:

ВМДПНИ – Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства
 РГАЛИ – Российский Государственный Архив Литературы и Искусства.
 ЦИАМ – Центральный Исторический Архив г. Москвы.

В книге представлены иллюстрации из следующих источников:

1. *Астраханцева Т. Л.* Гжельская майолика XX века. – СПб.: Аврора. 2006, – 288 с.: ил.
2. Государственный музей керамики «Кусково».
3. *Илькевич Б. В., Семенова В. В.* Гжель. Истоки творчества и мастерства. – Гжель: ГГХПИ, 2011. – 168 с.: ил.
4. Музей истории г. Бронницы.
5. Центральный исторический архив г. Москвы.
6. Личные архивы.

При оформлении обложки использована работа Ю. И. Петлиной «Гончар с внуком».

Б. В. Илькевич, В. В. Никонов

**ХУДОЖЕСТВЕННО-ПРОМЫШЛЕННОЕ
ОБРАЗОВАНИЕ В ГЖЕЛИ:
ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД**

Управление издательской деятельности
и инновационного проектирования
МПУ
117571 Москва, Вернадского пр-т, д. 88, оф. 446
(499) 730-38-61
E-mail: info@prometej.su

Издательство «Прометей»
129164 Москва, ул. Кибальчича, д. 6, стр. 2

Подписано в печать 15.11.2012.
Формат 60х90/16. Объем 6,25 п. л.
Тираж 500 экз. Заказ № ???.

